

А.Бедрянец

РЕАКТИВНЫЙ АВАНТЮРИСТ

**КНИГА ПЕРВАЯ
«ОБРАТНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ»**

**КНИГА ВТОРАЯ
«РЕАКТИВНЫЙ АВАНТЮРИСТ»**

Александр Бедрянец

**Реактивный авантюрист.
Книга первая. Обратная
случайность. Книга вторая.
Реактивный авантюрист**

«Accent Graphics communications»

2018

Бедрянец А.

Реактивный авантюрист. Книга первая. Обратная случайность.
Книга вторая. Реактивный авантюрист / А. Бедрянец — «Accent Graphics communications», 2018

ISBN 978-1-77192-405-4

Книга состоит из двух частей «Обратная случайность» и «Реактивный авантюрист», которые рассказывают об одном веселом, загадочном и выдающемся во всех отношениях человеке. Обычная жизнь станицы Камчатской и ее обитателей, донских жителей, предстает в таком удивительном свете, что напоминает захватывающий боевик. Это описание жизни чародея, экстрасенса и одновременно учебник по выживанию. Повествование не содержит каких-то особых фантастических приключений выдуманных суперменов, все действующие лица имеют реальные прототипы, все события происходили на самом деле, а действия разворачиваются на наших родных российских просторах, в той Ростовской области, где живут самые красивые девушки и случаются самые необычные вещи. В главном действующем лице Родионе Коновалове словно отражаются самые разные известные личности – Ходжа Насреддин и Штирлиц, Шерлок Холмс и Вольф Мессинг, но на самом деле он не похож ни на кого, только, возможно, на настоящего народного героя, о котором складываются легенды еще при жизни. Худощавого мускулистого здоровяка, похожего на «белокурую бестию», некоторые считают колдуном, другие интриганом, одни благоговеют перед ним, другие бегут при одном звуке его имени. Если не знать ключевые моменты задуманных розыгрышей, общая картина действий будет выглядеть странно и неправдоподобно, тем более что подловить Родиона никому не удастся – ни опытным милиционерам, ни партийным чиновникам, ни самым хитромудрым личностям. Все свои проделки Коновалов именует «шутками», хотя от шуток там только название. Ведь «Шутка – дело серьезное», а жертвам его шуток действительно не до смеха.

© Бедрянец А., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

ISBN 978-1-77192-405-4

Содержание

Обратная случайность или Загадочные встречи	6
Встреча первая	6
Встреча вторая	11
Встреча третья	16
Встреча четвёртая	27
Встреча пятая	49
Встреча шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Бедрянец

Реактивный авантюрист. Книга первая. Обратная случайность. Книга вторая. Реактивный авантюрист

Обратная случайность или Загадочные встречи

Роман

Встреча первая

Ясное утро обещало чудесный весенний день, но Веру Максимовну одолевала грусть. Как и вчера, и позавчера, и последнее время вообще, хотя особых причин для депрессии не было. Жизнь Веры Максимовны текла вполне благополучно. У неё была приличная работа, хорошее здоровье и, как сейчас пишут в известных объявлениях: «в.о.», «м.о.», «ж.о.».

Казалось бы, что ещё надо? Живи и радуйся, ан нет. Червячок печали исподволь съедал всякую жизнерадостность. Причина грусти была в другом.

С целью отвлечься и развеяться, она решила навестить дочь студентку в соседнем городе, так сказать, сверхурочно. Был выходной, остановка пустынна, да и городской транспорт ходил реже обычного. Как и многие люди, во время неторопливого ожидания Вера Максимовна предавалась разного рода отвлечённым размышлениям. Но в этот раз её отвлекли.

Неподалёку, возле ларька, классический бомж пересчитывал в руке мелочь, сопровождая процесс непрерывным потоком безадресной матерщины. Закончив аудит, он помолчал, а затем изрёк в пространство банальное:

– Нет в жизни счастья.

После чего удалился в глубину двора, загребая огромного размера берцами без шнурков. Однако вскоре социальный отброс вернулся с позвякивающей матерчатой сумкой в руках. Заметно волнуясь, он остановился против ларька, странно ссутулился, и громко крикнул:

– Ха!

Судя по всему, этот тип был продавцу знаком. Необычное поведение бомжа так возбудило любопытство работника прилавка, что он вышел из своего заведения и с нескрываемой надеждой спросил:

– Чернозём, накрыло тебя, наконец? Кондрашка приключилась?

У бомжа перекрыло словарный запас, и без того, наверное, не превышавший лексикона Элочки-людоедки, и, помогая себе рукой, он пытался двумя словами прояснить случившееся:

– Эт-та там... там эта... оно... я туда, а там оно! Я по малому, а оно вот.

И показал три пальца. Затем добавил:

– И колбаса. Много.

Продавец, однако, легко понял этот бред-пантомиму и разочарованно прокомментировал:

– Вот это повезло тебе сегодня, Чернозём, нашёл забытое кем-то бухло с закуской. Теперь иди, празднуй, пока коллеги не отняли.

И с одуревшим от радости лицом бродяга торопливо зашкандыбал праздновать своё жалкое счастье. Но это с точки зрения Веры Максимовны, а у бомжа, скорее всего, было иное

мнение на этот счёт. Возможно, что этот счастливый день останется самым ярким воспоминанием в его серой жизни.

Ещё древние отметили, что счастье относительно, причём не в самом понятии, а в предпосылках. Большое или маленькое – одинаково счастье, а зависит от масштаба желаний, области бытия и направленности. К тому же оно крайне субъективно. Кого обрадует счастье ботаника, открывшего новый вид ряски? Да никого. Менее удачливый коллега позавидует, и только.

Мрачные мысли не покидали Веру Максимовну и после того, как она села в подошедший автобус. Увы, так просто, случайной находкой её дела было не поправить. Причина её грусти называлась творческим кризисом, и путей решения не просматривалось. Вполне понятно, что для остальных граждан эта её проблема являлась полной ерундой, блажью, а кое-кто, наиболее ехидный, обозначил бы её каким-нибудь злым выражением, типа «бесовство с жиру». Более того, Вера Максимовна раньше и сама входила в число этих приземлённых людей. Но вот, произошло. Случилось так, что она отравилась ядом, сладким ядом творческого успеха, и душа утратила покой. Одолевал писательский зуд, хотелось творить, но беда в том, что было совершенно неизвестно о чём писать и в каком именно жанре.

Впрочем, по порядку. В своё время она выучилась и получила диплом психолога, но устроиться по специальности не получилось. Вначале Вера Максимовна попала в один советский журнал, но тоже не сложилось. Завотделом однажды сказал:

– У тебя имеются некоторые способности, но не в той плоскости. Пойми правильно, журналист – ремесло, то есть он каменщик, электрик, сантехник, но не выдумщик архитектор.

В конце концов, Вера Максимовна оказалась на своём месте, в отделе кадров солидной организации, где благополучно пребывает и в настоящее время. Но какая-то творческая жилка в ней сохранилась.

Когда-то, ещё подростком, будучи в гостях в деревне, Вера оказалась невольной свидетельницей жутковатой истории с похищениями и убийством, что в те годы случалось редко. И спустя много лет, она рассказала дочери про эти события. Та пришла в восторг и уговорила всё это описать. Вера Максимовна управилась за месяц. А что с этой повестью делать, толком не знала, но неожиданно выручила бухгалтерша Михайловна, которая оказалась приятельницей работницы издательства одного журнала. Она пообещала отнести рукопись прямо к ней домой, но честно предупредила, что учёная дама, как бывший переводчик, весьма принципиальна, и скорее всего эта писанина окажется в корзине. По этому поводу Вера Максимовна переживать не стала, мол, семь лет мак не родил, голода не было. Но, к огромному удивлению, через несколько дней ей позвонили из редакции и попросили зайти.

Строго одетая дама сильно средних лет была лаконична: «Юмор (!!) у вас мрачноват, обороты, ну да ладно. Берём в работу». После чего как-то странно посмотрела и добавила: «В качестве эксперимента».

Впоследствии Михайловна, посмеиваясь, рассказала о сути этого эксперимента. У Дианы Васильевны, так звали матёрую редакторшу, муж был «технарём», такое случается. Человек этот к искусству был равнодушен, книг, за исключением справочников, не читал вообще, предпочитая пиво с футболом по телевизору.

На следующий день Диана Васильевна решила просмотреть опус, но не нашла его на месте. Рукопись обнаружилась в руках мужа, читавшего её с явным интересом. Ошарашенная Диана Васильевна спросила: «Тебе нравится ЭТО?», на что муж ответил: «Да, интересно. Если напечатаеть, то порекомендую мужикам», наверное, имея в виду своих приятелей. Диана Васильевна не имела привычки брать работу на дом, и Верина повесть в некотором роде была исключением. Скорее всего, мающийся от безделья муж Дианы Васильевны машинально открыл рукопись и случайно попал на какой-то драматический момент сюжета. Там, в одном месте зять душил осточертевшую тещу, но неудачно – не обладая нужным опытом, недодушил. В другом месте он, запев её в подвале, остриг налысо и в конце концов утопил

эту язву в колоде вверх ногами. А поскольку население деревни в целом было на стороне зятя, тётка многим насолила, то и текст был проникнут к нему сочувствием. Вероятно это нашло отклик в сердце мужа редакторши, что и решило судьбу сочинения. Диана Васильевна благо-разумно не стала уточнять, что именно там понравилось мужу, и здраво рассудила, что если уж этот, далёкий от литературы увалень загорелся, то, значит, в повести определённно что-то есть.

Узнав эти подробности, Вера Максимовна опечалилась. Выходило, что в литературу она попала не благодаря труду и таланту, а просочилась каким-то чёрным ходом, и это напрягало. Хотелось подтвердить статус, но после некоторого размышления она пришла в уныние, так как осознала реальные трудности творческого процесса.

Есть некая норма бытия, определяемая природными, социальными и нравственными законами. Но независимо от воли людей постоянно возникают и существуют нарушения, отклонения и ненормальности разных видов и в разных сферах – стихийные бедствия, опасные животные, вредные растения, войны, болезни, преступления и чрезмерные проявления страстей как возвышенных, так и низменных. Одним словом – страдания. Наверное, страдания – такой же спутник жизни человека, как и трение в работе механизма – подмазать можно, но совсем избавиться – ни-ни. Неудивительно, что мучимые разного рода несчастьями, люди стихийно создали мечту, некий эталон счастливого существования – жизнь без страданий. Тут уж не до жиру, как говорится. Страдания – главная и единственная пища литературы. С древних времён она описывала всяческие страдания людей и народов, а также способы их преодоления и вообще, приведение кризисных ситуаций в норму. И в этом вся её сущность. Литературе свойственны ограничения, связанные именно с этим обстоятельством. Поэтому она не в состоянии описывать и отражать нормальное, «счастливое» течение жизни. Всё равно, что описывать пустоту. И в самом деле, что можно рассказать о монотонном, изо дня в день тупом, сытом существовании без происшествий?

С этой проблемой столкнулись ещё древние авторы народных сказок. После описания страданий и подвигов, каждый получает своё: антигерой вариант плохой стабильности – разбитое корыто, тюрьму или могилу, а герои получают счастливую стабильность, но вся их после-повествовательная жизнь обычно укладывается в пять слов: «Они жили долго и счастливо». Более вдумчивые авторы добавляют ещё пять слов: «И умерли в один день». То есть не оставили героям даже маленького шанса на страдание – возможности поубиваться на могиле своей половины. Иначе говоря, если люди и в самом деле когда-то наладят для всех жизнь без страданий, то это будет конец литературы, она просто вымрет с голоду, как мамонты. Впрочем, это ещё не скоро. Тем не менее, это ограничение опосредованно влияет и на самих авторов. Если человек не испытывал определённых страданий или, по крайней мере, не был их прямым наблюдателем, сострадальцем, то он просто не в состоянии дать какие-либо их описания.

Действительно, чтобы писать о горах, лесах, городах или пустыне, нужно там побывать, увидеть, ощутить запахи и услышать звуки. Должен быть багаж жизненного опыта прямого участия в событиях или наблюдения их, создающий представления. Даже пустое фантазирование отталкивается от чего-то реального. Взять титанов литературы; у них самих, как правило, биографии такие, что ахнешь. У Достоевского не жизнь, а чисто триллер, впечатлений ещё лет на сто сочинительства. Впрочем, о великих писателях и речи нет, тут хотя бы до уровня Донцовой дотянуться. Но и это вряд ли.

Родители Веры Максимовны имели нормальное представление о счастливой жизни и в соответствии с этим приложили все силы для устройства жизненного пути своей дочери, сделав его предельно гладким, без ухабов и проблем. И немало в этом преуспели. Вера была им очень благодарна. За то, что родили здоровой и не уродливой. Правильно воспитали, приобщили, образовали, оградили от дурного влияния, плохих привычек и нежелательных знакомств. А когда пришло время, выдали замуж за приличного человека.

Но нет в жизни совершенства. Настал момент, когда, оглянувшись назад, Вера Максимовна вдруг поняла, что из прожитых сорока лет ей нечего вспомнить. Совсем, совсем нечего, кроме того случая из детства. Её никогда не били, не грабили и не насиловали. Не было пожара и затопления. Не было врагов, тайных и явных. С мужем, интеллигентным, тихим и непьющим человеком, они никогда не скандалили, измен не было, и денег на скромное, но достойное существование хватало. Но теперь она поняла Берти Вустера, который просил своего ментора Дживса: «Дайте мне совершить ошибки молодости, а то ведь после вспоминать будет нечего». Теперь она начала понимать своего бывшего мужа, и почему он ушёл. Пристойно, без скандала и без какого-либо внятного повода. Лишь напоследок с какой-то тоской в голосе пробормотал: «Господи, до чего всё гладко, зацепиться не за что. А так хочется кому-нибудь дать в морду». Однако развод трагедией не стал, и всё обошлось как-то буднично. Видимо, что-то в их браке было не так, или чего-то не было вообще. Интересно, а жила ли она все эти годы? Может, просто существовала? И как теперь быть?

Звук тормозящего у очередной остановки автобуса вернул её в реальность. А в этой реальности, чуть заметно прихрамывая, в салон заходил немаленький, сильно за метр восемьдесят мужчина. По виду лет под пятьдесят. Сел через проход от неё, и кресло под ним характерно скрипнуло. Вера Максимовна подумала: «Дядечка ничего, с виду не толстый и живота нет, а тянет минимум килограмм на сто двадцать». Что-то в его облике было не так, что-то цепляло, напрягало внимание. С виду скорее некрасив, хотя и не уродлив. Черты лица вроде бы правильные, но вот дублёная кожа, шрамы, неровности привлекательности не добавляли. Впрочем, всё это компенсировал взгляд синих глаз, внушающий безотчётное доверие, и, как ни странно, вызывающий симпатию. Руки. Руки были заметно моложе лица, слегка загорелые кисти имели вполне изящные, какие-то не пролетарские формы.

Породистый тип. Интересно, дядька большого размера, а в глаза это не бросается. Наверное, соразмерность от матушки природы. Если бы не одежда, то и внимания бы не стоил. Ага, одежда. Простая однотонная рубашка, джинсы... однако! Стоп, а рубашечка не такая уж и простая. Такую же точно Вера Максимовна видела на одном деловом партнёре из заграничной фирмы. И тогда ещё женщины говорили, что эта скромная шмотка в Европе стоит не менее 150 у.е. И на мужике она новая, это Вера определила без труда. Да и джинсы явно европейского происхождения, с вьетнамскими рядом не лежали. Эклектикой в этом ансамбле были дешёвые китайские босоножки. Наконец ей стала ясна причина беспокойства – неопределённость. Вот оно. Вера Максимовна не могла понять социальный статус этого человека даже приблизительно. Трудно было представить его в роли бандита, чиновника или какого-нибудь бизнесмена, но и на бедного рабочего он тоже не тянул. Впрочем, судя по выправке, он мог быть отставным военным, но в любом случае этот мужчина производил впечатление человека с богатым и разнообразным жизненным опытом.

И тут Вера Максимовна увидела, что она не одна изучает этого гражданина. С противоположного ему сиденья элегантная дама позднего бальзаковского возраста с нескрываемым напряжением в позе буквально пожирала его взглядом. Не заметить такого интереса к своей особе было сложно, и мужчина, приподняв вопросительно брови, видимо уже хотел выяснить причину такого проявления внимания, но она его опередила:

– Скажите, вы работали в шестьдесят восьмом году на Сельмаше?

Тихо работающий импортный мотор не мешал слушать диалог. Довольно приятный баритон ответил:

– Да.

– Ваше имя Родион?

– Да.

– А ты меня не помнишь?

– Понял. Вы из прошлого. Дайте ассоциацию.

– Какую?

– Ну, зацепку какую-нибудь, скажите ваше имя хотя бы.

– Евгения.

– Так, Евгения... Женя. Ага, Нахичевань, улица какого-то февраля. Фармацевт.

– Вспомнил?

– Кажется, да.

– А теперь скажи, куда ты тогда пропал? Я ведь так переживала. Ответь!

Тут мужчина вдруг стушевался, что-то начал бубнить про обстоятельства. Это привело женщину в ярость, и она воскликнула:

– Знаю я эти обстоятельства в юбках!

А затем, свирепея на глазах, вскочила с кресла и с воплем дала ему смачную оплеуху:

– Скотина!

Он, не повышая голоса, проговорил:

– Всё нормально, Женя, если тебе будет легче, то стукни ещё и потом будешь спать спокойно.

Она же, со злыми слезами на глазах пошла к выходу и попросила водителя остановиться. Тот, очевидно всё слышавший, просьбу исполнил. Мужчина сделал, было, попытку встать, но она, обернувшись на выходе, грозно сказала:

– Не подходи, гад хладнокровный!

Женщина растворилась в потоке людей, а Вера Максимовна подумала: «Ничего себе страсти! А этому типу наверняка есть, что в жизни вспомнить».

Один из двух молодых людей, по виду студентов, сидевших за спиной мужчины, сочувственно спросил:

– И часто вас так, дядя?

Полуобернувшись, тот ответил:

– Пощёчина что ли? Да нет, редко. Всё больше старались ножом или чем увесистей.

Ребята заржали. Он неодобрительно посмотрел на них и сказал:

– Смеяться тут нечему. Воспитание есть внутренний тормоз, а вы видели очень воспитанную женщину. Заметьте, в какой ярости была, а ни слова матом. И ручкой по лицу, благородно, не гантелей какой-нибудь. Вот если бы на её месте была доярка необразованная с вилами в руках, то, думаю, стало бы не до смеха.

Из задних мест подала голос бабушка, похожая на тех, что обычно сидят у подъездов:

– Да вас, кобелей, не только вилами нужно. Вот ты, мил человек, небось, соблазнил честную девушку, а потом и смылся.

Мужчина повернулся к ней и грустно сказал:

– Хуже.

– Что хуже-то?

– Я не сделал этого.

Сбитая с толку пенсионерка удивилась:

– Как это?

Ответ прозвучал в нравоучительном тоне:

– Вот вы прожили уже немало и должны бы знать, что женщина существо не столько разумное, сколько эмоциональное, живущее чувствами, а потому мстит не только за причинённое зло, но и за неисполнившиеся желания. Не оправдал я тогда её ожиданий, не соблазнил, потому и попал под раздачу, хоть и с задержкой.

Вера Максимовна подумала: «Экий философ», но тут автобус прибыл на конечную.

Встреча вторая

Через полчаса Вера Максимовна сидела в электричке, ждущей отправления, и копалась в сумочке в поисках телефона. Народ подходил, и кто-то сел напротив. Подняв глаза, она непроизвольно ойкнула – напротив неё расположился тот самый мужик в джинсах и чего-то искал в карманах. Услышав возглас, он посмотрел на неё и неуверенно произнёс:

– Кажется, мы сегодня уже ехали в одном автобусе, или я ошибаюсь?

Вера Максимовна подтвердила, и как-то сам собой завязался разговор. Мужчина сказал:

– Да, электричка... давно не ездил, даже ностальгия какая-то. Я ведь в молодости одно время в пригороде жил, на полпути к Новочеркасску, мимо будем проезжать. И на электричке каждый день в город, а потом обратно. Знаете, в этих пригородных поездах, неважно, московских или ростовских, есть какая-то своя атмосфера бытия, и лучше всего её описал, как мне кажется, Венедикт Ерофеев.

Сама стилистика речи, некоторая книжность её как-то не вязалась с обликом собеседника, и Вера Максимовна невольно спросила:

– Вы, наверное, много читаете?

– Раньше да, сейчас не читаю совсем.

– Что так? Зрение?

– Слава богу, нет. Просто всё прочитал.

– То есть как... всё? Разве это возможно?

– Почему нет? При должной организации и правильно определённых целях – вполне. Действительно, «Не объять необъятное», всё напечатанное физически прочитать невозможно, но ведь не всё, что на бумаге, есть литература. Всю популярную беллетристику я проглотил в отрочестве и юности – Дюма, Конан Дойл, Марк Твен, Фенимор Купер, Майн Рид, Александр Грин и прочие великие. Затем немножко поумнел и начал выбирать необходимое. С помощью библиотекарей, а это весьма компетентные люди, я составил список наиболее значимых произведений мировой литературы, не прочитав которых, нельзя считать себя цивилизованным человеком. На самом деле классика давно отсортирована, и по программе минимум это всего около четырёхсот книг. Читал я не только для наслаждения, но и ради знания, чтобы не хлопать глазами, когда звучат имена Фолкнера, Воннегута и других гениев. Лет десять назад я эту программу в расширенном виде закончил, и после этого интерес к художественной литературе иссяк. К научной литературе сохранился.

Поезд тронулся и резко набрал скорость, но мужчина продолжил начатый разговор:

– Вообще-то моё литературное восприятие сформировалось, как и у прочего народа, советской цензурой. Огромное ей спасибо. Пусть принудительно, но пропуская лучшие произведения, негативно создавала эталон вкуса. Конечно, система была неидеальная, но основную функцию цензура исполняла, то есть отсеивала абсолютную бездарность, порнографию и откровенную халтуру.

Тут Вера Максимовна вклинилась:

– Вы хотите сказать, что литература обсуждалась в пролетарской среде?

– Напрасно иронизируете. Конечно, Франц Кафка не был актуальной темой в беседах электриков или сантехников, но если бы вам случилось побывать в тогдашних пивных и прочих подобных заведениях, то слышали бы немало любопытного.

Вера Максимовна внутренне содрогнулась, а он продолжал:

– Да, в основном футбол и бабы, но многие беседовали и на отвлечённые темы. Я лично был свидетелем рукопашной, которая возникла из-за разногласий по поводу Шекспира. Главное, что это никого не удивило, более того, почти у каждого посетителя распивочной имелось собственное мнение по вопросу, уже стали формироваться команды приверженцев, и только

милицейский наряд, забравший шекспироведов, предотвратил более масштабную драку. А теперь что? Глаза бы не смотрели на прилавки. Ведь большую часть этой продукции в советское время просто не напечатали бы. Какая к чёрту свобода слова? При чём она? Для дарованного масштаба Булгакова или Есенина цензуры не существует. Ну что она им может сделать? Создать временные затруднения. Цензура мешала порнописцам, агрессивной серости и халтурщикам. Вот они её и отменили. А результат? Молодёжь скоро перейдёт на обезьяний язык. На полпути. Сейчас в моде рейтинги, но ведь они по большей части отражают не заявленную тему. В политике, например, это показатель искажения информации. В литературе часто отражается снижение планки уровня культуры. Хорошая литература всегда в какой-то степени элитарна, и большие тиражи, на которые ссылаются и которыми гордятся, есть потакание неразвитым, примитивным и низменным вкусам. С этой точки зрения в кинематографе самыми кассовыми будут порнофильмы.

Вера Максимовна перевела разговор на близкую ей тему и спросила:

– А как вы относитесь к женскому роману?

– Вы имеете в виду творчество Донцовой и её клонов?

– Ну, хотя бы.

– А что говорить? Имя на слуху. Я как-то из любопытства прочёл полкниги Донцовой. Всё остальное можно уже не читать, прочие тексты мнения не изменят. Романизированные байки. Да каждый читатель всё это воспринимает как гольную выдумку. Придуманная страна, где все расчёты в долларах, неестественные сюжеты, герои, которых нет в реальной жизни. Их нет по той простой причине, что в стране нет среднего класса, представителями которого они выписаны. И через страницу ничем не оправданное и лживое очернение людей советского периода. Впрочем, она в этом не виновата, и не надо судить её строго. Перо у неё бойкое, но жизненный опыт довольно ограничен. Дочь писателя, она росла и воспитывалась в среде творческой элиты и поэтому жизнь народа знает весьма поверхностно. Вот и описывает свой мирок. Максим Горький вырос среди люмпенов босяков, а потом всю жизнь описывал их и прославлял. А крестьян почему-то ненавидел.

Возможно, я неправ, но, на мой взгляд, вся эта литература изрядно политизирована, так как явно пудрит людям мозги, искажая восприятие действительности. Для меня загадка в названии жанра – «иронический детектив», ведь ирония в текстах отсутствует. Хотя, если считать её объектом самих читателей, то всё становится на место, а вот автор данного термина, полагаю, на редкость ехидный человек. Впрочем, по покупателю и товар. Извините, забылся, возможно, вы любительница этих романов?

Совершенно того не желая, Вера Максимовна неожиданно брякнула:

– Видите ли, я сама писательница.

– Даже так?

Он был явно удивлён, что сильно её задело. Поняв, что сказал бестактность, по мужской привычке он понёс чепуху:

– О, простите, не признал, давно не общался с писательницами, видно, сейчас они выглядят иначе, чем прежде. Теперь я просто обязан знать ваше имя, вдруг попадутся ваши книги. Будем знакомы, меня зовут Родион Алексеевич Коновалов.

– Вера Максимовна, псевдоним Морозова, это фамилия моей матери. Я начинающая писательница, и в моём активе всего одна маленькая повесть в журнале.

– Так вот в чём дело, вы – любительница, пишете для души. Прекрасно! Большинство великих – Чехов, Толстой и все прочие тоже любители. У вас явно имеется талант.

Так нагло Вере Максимовне ещё не льстили, но ей было приятно. Однако мучил вопрос, и она не удержалась:

– У вас были сомнения, а судить можно было только по моему внешнему облику. Что в нём не так?

– А, вы об этом? Думаю, что-то из области интуиции. Вообще-то, я считаю, что интуиция есть спрессованный житейский опыт плюс внимание, доведённые до автоматизма восприятия. У всех людей это присутствует, но в разной мере. Любая деятельность – профессиональная и прочая, всякий образ жизни, даже лентяйский, так или иначе отражается во внешнем облике человека, и с течением времени опыт наблюдения формирует стереотипы восприятия. Что-то вроде тренировки глазомера. Водитель со стажем довольно точно определяет скорость езды, не глядя на спидометр. В своё время я много работал с деревом – строгаешь и меряешь, и так день за днём. Со временем надобность в линейке отпала. Я и сейчас на глаз сразу определяю размер сечения любого бруска до миллиметра. Да и не один я такой. Убеждён, что и вы делаете интуитивные оценки, особенно в общении.

– Интересно, и кто же я в вашем восприятии?

Небольшая пауза с разглядыванием.

– Конторская к... служащая, не рядовая, высшее образование на лбу обозначено. Угадал?

– В общем, да, а каким образом всё-таки?

– А я и сам не знаю. Наверное, есть какие-то конкретные признаки, но они не осознаются, просто возникает некий общий образ. Похоже, я много бюрократов перевидал, вот и отложилось. Тут дело даже не в профессии, а в общем социальном состоянии. Я, вот, без особого труда на взгляд определяю – замужем женщина или нет.

– Что, и не ошибаетесь?

– Ошибаюсь, конечно, я же не Вольф Мессинг, но статистика в мою пользу. Тут есть один нюанс. Он отразился даже в результатах соцопросов, согласно которым замужних женщин гораздо больше, чем женатых мужчин. Этот парадокс объясняется просто – женщина считает себя замужней в любом случае – и со штампом в паспорте, и без него. А её сожитель иногда считает себя холостым, и это сбивает с толку.

– И каков, на ваш взгляд, мой статус?

– Вы относитесь к той категории женщин, которых можно обозначить – удачно развелась.

Вера Максимовна подумала: «Ничего себе» и продолжила:

– Простите, Родион Алексеевич, а сами-то вы кто?

– Я в этом плане человек малопонятный, потому что я никто. Пенсионер.

– Да вроде бы...

– По льготному списку, с пятидесяти. Вера Максимовна, вы по образованию случайно не психолог?

От такого вопроса Вера Максимовна слегка дёрнулась и воскликнула:

– Господи, неужели и это заметно?

– Да нет, это я из своих соображений, наудачу. Так что? Угадал?

Она согласно кивнула. Родион Алексеевич кивку обрадовался и сказал:

– Вы знаете, давно мечтаю узнать мнение такого специалиста по одной проблеме.

– Я не практикую, да и не имею соответствующего опыта.

– У меня тоже фобий нет. Дело не в этом, вопрос не прикладной, скорее, академического характера.

– И вы уверены, что я смогу вам чем-то помочь?

– Не уверен, но вы дипломированный специалист и скорее всего в силах дать оценку.

– Чего?

Он замялся:

– Тут в минуту не уложишься, да и за час тоже вряд ли. Мне скоро сходить, поэтому обсудим конкретнее при следующей встрече, месяца этак... через два.

Сказано это было таким же будничным тоном, каким говорят, что завтра понедельник. Вначале смысла фразы она не уловила, а потом забеспокоилась:

– Какой встречи? Где? Зачем?

- Откуда я знаю, где? Я ж не ясновидец, и случайности не в моей власти.
- То есть вы хотите сказать, что мы неизвестно где случайно встретимся?
- Скорее всего.
- А с чего это вы так уверены?

– Да я и не уверен. Если то, что сегодня мы два раза столкнулись в транспорте простое совпадение, значит, естественно, мы больше и не увидимся. Но если это обратная случайность, а я её не исключаю, то, скорее всего, мы ещё встретимся. Да вы не волнуйтесь! Ничего в этом страшного нет, ну пересечёмся где-нибудь, побеседуем, да и разойдёмся – всего и делов. Ничего вам не прибавится, ничего и не лишится.

- Какая такая обратная случайность?
- Это, скорее, из области физики, долго объяснять. Хотите маленький эксперимент? Вера Максимовна обалдело молчала, переваривая этот бред, а он продолжал:

– Я вам дам номер своего телефона. Это ни к чему вас не обяжет. Запишите или сразу вгоните в свой аппарат. Суть в том, что если это прямая, обычная случайность, то ничего не произойдёт, и вы этот номер можете завтра выкинуть. Но если это обратная случайность, то обязательно что-то произойдёт, и это что-то не позволит вам позвонить по этому номеру. В конечном счете, вы ничем не рискуете.

Вера Максимовна послушно стала искать авторучку, не нашла и ввела продиктованные цифры в мобильник. Поезд затормозил, Родион Алексеевич попрощался и сошёл на остановочной площадке.

Прибыв в Новочеркасск, она вышла к автобусной остановке и решила позвонить дочери. Достала из сумочки телефон и принялась набирать Дашин номер, но тут какой-то подросток случайно толкнул её под руку, после чего мобильник выскочил из ладони, подпрыгнул на асфальте и со слабым треском закончил своё существование под колесом подрулившей маршрутки.

Парнишка извинился, но, увидев её выражение лица, тут же куда-то испарился.

Даша мамину прибытию обрадовалась и тут же спросила:

- Почему не отзвонилась как всегда?
- Вера Максимовна рассказала. Но Дашин оптимизм не уменьшился:
- Ну и бог с ним, теперь купишь лучшую модель.
- Привыкла я к этому.
- Ничего, привыкнешь к другому. К хорошему быстро привыкаешь.

С жильём у Даши было хорошо. С сокурсницей Лизой они занимали просторный флигель во дворе частного домовладения, принадлежащего одинокой пожилой родственнице Лизы. Денег бабушка не брала, девушки в качестве платы помогали по хозяйству, и у них установились тёплые отношения. Ни у кого из студентов не было таких апартаментов, и постепенно определилась небольшая компания молодёжи, время от времени собиравшаяся в этом флигеле неформально пообщаться. Бабушка этому не препятствовала, потому что в целом ребята были воспитанные и непьющие.

Пока они пили кофе, Вера Максимовна поделилась своими дорожными впечатлениями. Весёлая характером Даша посмеялась и сказала:

- Прикольный дядька. А может, тебе, мама, бог послал прототип героя?
- Тоже мне, героя нашла. Человек он, конечно, оригинальный, и что с того?
- Ну, мама, не скажи! Ненормальности ведь не ограничиваются одними преступниками, про них и так все пишут. А кроме них есть тронутые изобретатели, фанатики-коллекционеры и всякие чудаки интересные. Ой, мама, а может, он того? Клинья к тебе подбивал?
- Нет, я бы это почувствовала. Он даже не смотрел на меня как на женщину. И способ знакомства получается какой-то мудрёный.

– Ну, вдруг он стеснительный, а от стеснительности мужики такие поводы для знакомства придумывают, что ахнешь.

– Нет, не то. Он вовсе не робок в общении, особенно с дамами, скорее, наоборот.

– Телефончик спросил?

– Нет.

– А свой не дал?

– Дал.

И тут до Веры Максимовны дошло. Видно, это отразилось на её лице, так как Даша обеспокоенно спросила:

– Мама, что такое?

– Телефон.

– Что, телефон?

– Номер телефона он дал, но предупредил, что сегодня я не смогу им воспользоваться, и ведь сбылось.

– И что?

– Теперь, согласно его теории, надо ожидать встречи с ним через два месяца неведомо где.

Тут уже Даша сошла с лица:

– Мама, мама! Выбрось всё из головы. Так не бывает. Таракашки в мозгах – это заразно. Давай ещё кофе, и переключим тему.

Встреча третья

За монотонностью дней и текучкой дел образ чудаковатого Родиона Алексеевича не забылся, а как-то стёрся, потускнел.

В соседнем подъезде жила Лида, разведённая дама одних лет с Верой Максимовной. Они дружили ещё со школьных времён. Лида имела автомобиль «Жигули» девяносто девятой модели, на котором вполне прилично ездила, но тратила на машину немало денег и времени. У неё был знакомый механик, который, в преддверии профилактического ремонта, составил список необходимых запчастей, в связи с чем, ей потребовалось посетить авторынок. И она попросила Веру Максимовну, кстати, уже не впервые, помочь в этом деле. Попросту говоря, Вера должна была посидеть в автомобиле сторожем, пока та обходит рынок в поисках нужных деталей. В выходной они туда и отправились. Зная, что предстоит, Вера Максимовна запаслась сканвордами. Машин возле рынка «Фортуна» было видимо-невидимо, но Лида нашла брешь и припарковалась между двух «Жигулей». Взяла объёмистую сумку и нырнула в толпу покупателей. Но не успела охранница выбрать сканворд, как из стоящей рядом машины раздался странно знакомый голос:

– Здравствуйте, Вера Максимовна.

Взглянув в окно, она обомлела – в полуметре от неё, на водительском месте бежевой «семёрки» сидел Родион Алексеевич и приветливо на неё смотрел. Вера Максимовна ответила на автомате:

– Здравствуйте, а что вы тут делаете?

– Да то же, что и вы, охраняю личный транспорт. Только вы, наверное, чужой, а я свой. Угнать, не угонят, а что-нибудь слямзить – запросто, особенно свежескупленный товар. Я тут с приятелем. Он автомеханик, обычно сам на рынок гоняет, а тут у него свой собственный драндулет поломался, вот он меня и припряг, сейчас по рядам шастает.

Мимо ряда машин шла просто одетая, но довольно миловидная женщина лет сорока пяти. Она катила ручную тележку, гружённую мелким автохламом. Увидев лицо Родиона Алексеевича, она остановилась и заголосила:

– Ой, товарищ полковник! Я вас без мундира еле узнала. Ой, да вы меня, чи, не угадываете? Я ж Галя! Тогда в Тихорецке вы меня домой подвозили на этой самой машине. Вспомнили?

Лицо её выражало радость, а вот Родион Алексеевич как-то даже помрачнел, вылез из машины и, прихрамывая, подошёл к Гале. Они о чём-то поговорили, Галя что-то записала и ушла. А Вера Максимовна неожиданно успокоилась. Во всяком случае, этот человек не сумасшедший, хотя бы потому, что имеет водительские права. Вернувшись, он попросился к ней в салон, мол, через улицу неудобно беседовать. Она не возражала. Помолчав, он произнёс в пространство:

– Они как кометы, всегда возвращаются, только у каждой свой срок.

– Так вы, значит, военный?

– Ну, раз был в армии, то военный. Только бывший.

– Родион Алексеевич, вот вы прошлый раз что-то упоминали об обратной случайности. Не проясните? Время как будто позволяет.

– Знаете, именно об этом я и думал побеседовать с вами. Хотелось бы знать компетентное мнение – может ли в принципе психология человека влиять на эти процессы?

– Какие процессы?

– Попробую объяснить попроще. Физический аспект случайности и закономерности весьма сложен. Они жёстко связаны и переходят друг в друга. Так случайное, хаотичное движение молекул жидкости на определённом уровне оборачивается закономерностями соотно-

шений давления и температуры. И так во всём. Прямая и обратная случайность определяется направлением времени, а, следовательно, расположением причинности во времени. То есть, она может быть и в прошлом, и в будущем, а отсюда и характер случайности. В проявлениях обратной случайности просматривается некая непонятная закономерность, иногда наглядная, но чаще скрытая. Проще говоря, если брошенный наугад камень совершенно случайно попадёт в какого-либо человека, то у него возникнет подозрение, что в него целились. Примеров тьма – всякого рода странные совпадения вплоть до ясновидения. В природе всё перемешано, и не всегда видно, что есть что. Если к проявлениям прямой случайности люди давно привыкли, то обратная случайность сильно смущает разум. По сути, это какая-то неизвестная закономерность общего уровня, проявляющаяся в частных случайных процессах. Непонимание порождает страх. Вот вы сегодня испугались, увидев меня, а я нет. Со мной такое давно. Привык.

Пытаюсь разобраться с причинностью, но не получается. И возможно ли это вообще? Ведь почему интересно мнение психолога? Хочется понять, а вдруг причина происходящих событий во мне самом? Бывают же случаи! Вон баба какая-то жаловалась в газету, что шесть раз была замужем, а все мужья ей попадались исключительно алкоголики. Дошло же до неё, что не может это быть простым совпадением. Психолог объяснил, что причина в ней самой – на подсознательном уровне она их выбирала целенаправленно. Может, и со мной что-то в этом роде, существуют же люди «тридцать три несчастья». Это к примеру. Происходящее со мной вовсе не является чередой сплошных несчастий. С этой точки зрения возникает вопрос – каким образом моё подсознание могло организовать вот хотя бы нашу сегодняшнюю встречу?

Вера Максимовна растерялась и честно призналась, что толком ничего не поняла. Он помолчал и сказал:

– Да, вам проще будет уяснить суть на конкретике. Чтобы было понятнее, о чём, собственно, речь, я вам поведаю историю Матраса. Она произошла недавно, даже нога ещё не совсем зажила.

С этими словами он задрал штанину и продемонстрировал внушительный, сантиметров двадцать шрам, действительно ещё до конца не заживший. Одёргнув брюки, смущённо сказал:

– Извините, привычка. Понимаю, что этого не требуется, но измениться не могу. С давних пор мои рассказы вызывали недоверие, а кое-кто из шибко грамотных сравнивал меня с бароном Мюнхгаузеном, вот я и стал по возможности подтверждать правдивость. Но, как ни странно, это часто давало обратный эффект. С годами поумнел и вообще перестал беседовать на всякие скользкие темы. Предупреждаю – рассказчик я, мягко говоря, неважный, возможно даже занудливый, но какой есть, лучше уже не научусь.

После этого Вера Максимовна услышала рассказ о Матрасе. Именно так, с большой буквы.

Подобные истории, с относительно законченным сюжетом, будут присутствовать в тексте и дальше, подобно изюму в булке. Чтобы выделить эти истории из хроник и воспоминаний, которые по условию не имеют общего сюжета, решено называть их новеллами. Название довольно условное, но эти небольшие вставки в форме «рассказ в рассказе» больше всего напоминают именно новеллы. И да простят автора Боккаччо, Маргарита Наваррская и остальные древние, а также современные новеллисты, но он не придумал другого названия жанра.

Новелла о Матрасе

Чтобы было понятней, два слова о географии. Живу я в станции Камчатской, это небольшой райцентр километрах в ста от Ростова. Вокруг, как и везде, степь, пруды, посадки и хутора.

Сей матрас достался мне от одной профессиональной проститутки, снимавшей у меня квартиру (в то время у меня их было две). Дамочка она была на редкость красивая, и когда

один лётчик не на шутку в неё вторгся, она быстренько сводила его в ЗАГС и была такова. А матрас оставила как неуместный в новой жизни. Он был почти новый, выбрасывать жалко. Я человек непривередливый, заказал чехол, натянул на матрас, да и стал на нём спать. Лет десять пользовался, но всему свой срок. У матраса пружины вылезли, и всё такое. Отслужил. Ну, дело житейское, купил новый, а этот вытащил на балкон до удобного случая избавиться. А неподалёку от моего дома пустырёк имеется, и там иногда по тихой погоде лёгкий мусор сжигают. Как-то вечером я заметил такой костёр горящий и решил этим случаем воспользоваться. Думаю себе – сожгу матрас на костре, а железки от него сборщики металлолома мигом уберут.

Задумано – сделано. Живу я на втором этаже. Матрас, кстати, вовсе не маленький, килограмм тридцать как минимум весит. И чтобы на лестнице с ним не париться, решил сбросить его прямо с балкона. Глянул вниз – никого, место у нас тихое, посторонние не ходят. На улице стемнело. Ну, я его и сбросил. Слышу – ухнул, и тишина. Спускаюсь, захожу за дом, вижу – белеет во тьме. Я к нему подхожу, и тут обо что-то спотыкаюсь, а потом цепляюсь ногой за какую-то железку. Вот эта рана и есть. От боли соображать стал плохо. Смотрю, за что же я споткнулся, а это ноги человеческие торчат из-под матраса. Я его поднимаю, а там лежит мужик без сознания с головой в крови. Я так понял, что матрасом его с ног сишло, и в падении он башкой обо что-то ударился. И вот, от боли плохо соображая, я на рефлексе действую по заложенной программе, то есть хватаю матрас и волоку по назначению. До дороги дотащил и опомнился, ведь раненому требуется помощь. Бросаю матрас и назад. Вдруг слышу крики, женские и мужские, а затем характерные звуки драки, сопровождаемые руганью матом. Но недолго. Мужской голос удалился. Выглянув из-за гаража, я узнал действующих лиц.

Позднейшая реконструкция событий показала, что каждый участник представляет их по своему, а как было на самом деле, знаю я один, но благоразумно помалкиваю.

Получилось следующее. В соседнем подъезде проживала семья, муж с женой средних лет. Их дочь вышла замуж и жила отдельно. Он был мужик простецкий и хозяйственный. Она же была дама с претензиями, считала себя невесть кем, драла нос и мнила себя романтической натурой. То есть попросту завела любовника. В тот вечер у них была встреча. По телефону она назначила любовнику место, которое оказалось под моим балконом, вот он туда и пошёл. Тем временем муж пошёл закрывать гараж, а это, обычно, занимало у него порядочно времени, поскольку там имелся холодильник с пивом. Она же воспользовалась его отсутствием и ринулась к месту randevu. Подходит и видит своего хахалю, лежащего на земле с окровавленной головой, и то ли живого, то ли нет. На воре, как известно, шапка горит, вот она и подумала, что муж узнал об их связи, выследил и грохнул милёнка. Тут она издала вопль «Убью гада» и, громко причитая, попыталась привести в чувство ненаглядного. А муж, услышав крики жены, поспешил на место узнать, в чём дело. Она же, увидев его приближение, схватила валявшийся на земле увесистый дрын и без всяких объяснений заехала ему по лицу. Тот с копыткой долой, но постарался увернуться от следующего удара, кое-как поднялся и отбежал за угол. Вот уж он-то меньше всех понимал происходящее. Ещё бы. На душе покой, впереди футбол по телевизору и вареники, а тут ни с того ни с сего родная жена хрясть дубиной, и два зуба как не бывало. Когда на следующее утро я возил его в больницу накладывать швы на рассечённую губу, он изложил свою версию происшедшего. Сперва он вообще решил, что жена сошла с ума и валит всех мужиков подряд, не разбираясь. А что ещё можно думать, если один уже готовый в крови валяется, и тебя всерьёз пытаются уложить рядом? Вот с перепугу и вызвал милицию. Уже после, из причитаний жены узнал истину, и такое зло нашло, что бесповоротно решил развестись, И своё решение исполнил.

Когда приехал наряд, ушибленный матрасом мужик почти очухался, и милиционеры, так толком и не понявшие, что произошло, решили отложить дело на потом, до подачи

заявления. А пока решили доставить пострадавшего домой, так как он решительно отказался от больницы. Романтическая дама вызвалась его сопровождать, видимо, в надежде там и остаться, но к её удивлению он оказался женат на весьма злобной женщине, которая, узнав в чём дело, не постеснялась и тоже выбила ей два зуба сковородкой, оставив у разбитого корыта.

Но эти подробности я узнал позже. А в тот вечер, увидев разгорающийся скандал, решил держаться от него подальше и вернулся к матрасу. Но он исчез. Тогда я ещё не знал, что это только начало его кровавого пути.

На следующее утро, как я уже говорил, пострадавший сосед попросил отвезти его к врачу. Вернувшись из больницы, я увидел давшего наряд патрульных, которые искали именно меня. Сперва я подумал, что в связи с ночными событиями – вдруг кто-то заметил мой бросок с балкона. Но дело было в другом. Парни в форме вежливо попросили проехать с ними к дежурному. Я попробовал выудить у них что либо, но узнал только то, что вызывают меня как потерпевшего. Я тут же отправился в милицию на своей машине.

Беседа с дежурным оказалась любопытной. На мой вопрос о здоровье ночного пострадавшего, последовал встречный вопрос – откуда про него мне известно. Я объяснил, что сегодня возил соседа в больницу, и он про это рассказал. Дежурный сказал, что с ним всё в порядке, не считая двух выбитых зубов и шишки на голове. Он толком не помнит, что с ним случилось, возможно, просто упал в обморок, хотя раньше такого не бывало. А на земле, в месте падения лежал уголок, от которого он и пострадал. В заключение дежурный сказал:

– В общем, у них всё по-честному, полная компенсация – каждый из любовного треугольника лишился двух зубов, и повода для жалоб нет. Каждая сторона удовлетворена ущербом прочих. Главное, что все трезвые. Бывает же такое.

А меня вызвали в связи со злополучным матрасом. Оказалось, в тот самый день одна пожилая пенсионерка наняла местного алкаша выкопать яму. С горем пополам к вечеру он работу сделал. Сердобольная бабуся расплатилась и вдобавок решила угостить работника чаем с пирожками. Ушлый мужичок, между тем, заметил место, откуда бабка деньги доставала, а та предоставила ему момент, отлучившись по возникшей не ко времени нужде в туалет. Для слабой совести алкоголика это было сильное искушение. Схватив деньги, завернутые в платочек, он, не допив чай и не попрощавшись, кинулся наутёк, что выдавало в нём никудышного ворюшку. Путь его пролегал по моей улице, и совпало так, что он видел, как я вынес матрас к дороге и ушёл. Решив, что это ещё один подарок судьбы, он взвалил его на плечи и поволок к себе домой. Жильё его было не близко, а матрас тяжёлый – приходилось отдыхать.

Тем временем патрульная машина после описанных событий возвращалась к месту дислокации и фарами осветила человека с матрасом. Поскольку мебельные магазины в эту пору уже закрыты, а сам способ пеший транспортировки как-то не вязался со временем суток, то данная картина возбудила подозрительность бойцов правопорядка, и они решили проверить свою интуицию.

Образ жизни алкоголика предполагает регулярные контакты с работниками милиции, то есть люди они достаточно известные в этой сфере. Проще говоря, патрульным была знакома эта морда. Увидев растерянность и бегающие глаза, ребята в форме поняли, что тут есть криминал, а, не зная в чём дело, просто взяли на пушку:

– Ну, вот ты и попался. Колись!

Горе-преступник решил, что осуществился худший для него вариант – бабка обнаружила пропажу, позвонила в отделение, и его кинулись искать. Эффективность действий милиции настолько его поразила, что он тут же и раскололся:

– Я нечаянно, я даже не знаю, сколько там денег.

Органы переглянулись и сказали:

– Поедешь с нами, и там всё напишешь, а заодно и про украденный матрас. Он тоже оттуда?

– Да нет, из другого места. Я его, можно сказать, нашёл.

– Говори, у кого взял, а то рассердимся.

Зная по опыту, что ребята в форме не всегда следуют принципам гуманности, он сразу признался, что украл матрас у меня. Оказывается, этот придурок знал меня и мою фамилию. В небольших городках такое бывает, Если я незнаком с человеком, то это ещё не означает, что он не знает меня. Тем более что я, как местный житель, пользуюсь некоторой известностью.

В общем, дежурный предложил написать заявление о краже. Я, конечно, отказался, мотивируя ничтожной стоимостью вещи, и похвалил действия милиции:

– Профессионально работаете, раскрыли две кражи ещё до того, как о них узнали потерпевшие. (На тот момент не очень бдительная бабушка действительно ещё не знала, что её обворовали.)

Несмотря на комплимент, капитан в корне пресёк мою попытку подарить этот матрас незадачливому воршике. Вежливо, но непреклонно он попросил, чтобы я как можно скорее забрал свой матрас и оказался с ним как можно дальше от милицейского двора, где он валялся. Более того, дал в помощь человека в форме, с которым мы еле привязали матрас к машине. Подозреваю, что человек сей не столько помогал, сколько следил, чтобы я не смылся без матраса. От него же я узнал причину антипатии к моему предмету мебели. Оказалось, утром через матрас споткнулся и упал постовой, сломав при этом палец руки.

Смотрите сами – суток не прошло, а на счету матраса две разбитые семьи, один в тюрьме и четверо покалеченных. Я отделался сравнительно легко, кожа на ноге не зубы – регенерирует, и кости целы.

Путь оставался один – свалка. На центральную свалку мимо гашишников с негабаритом я ехать не рискнул. Тут я вспомнил о небольшой сельской свалке километрах в семи, в окрестностях одного хутора, где частенько копал червей для рыбалки и, недолго думая, туда и махнул. Расстался с матрасом и вернулся домой, полагая, что всё закончилось. Но.

На следующее утро мне позвонил Иван Иванович, председатель нашей ветеранской организации, и попросил об услуге, а именно: заехать к члену нашей организации Николаю и забрать у него кое-какие бумаги. Подобного рода просьба была далеко не в первый раз и удивления не вызвала. Иван Иванович хороший человек, и по возможности я его всегда выручаю.

Каково же было моё удивление, когда, зайдя во двор к Николаю, я увидел лежащий на земле мой матрас. Не узнать его было невозможно. Я не стал афишировать своё знакомство с этим предметом, но любопытствовал, где Николай его раздобыл. Тот махнул рукой и сказал, что это целая история.

Оказывается, на том самом хуторе проживает родной дядя Николая – немолодой, но бодрый дедок. Настолько бодрый, что раскатывает на старом мотоцикле с коляской. На нём он и приехал на свалку подкопать червей для рыбалки. Но наткнулся на матрас, что изменило его планы. Отложив добычу червя, дед привязал матрас к коляске и с этим трофеем двинулся домой. Однако, заезжая во двор, зацепился матрасом за ворота, мотоцикл перевернулся, да так неудачно, что дед в падении сломал ключицу. Вызвал племянника. Тот откликнулся и приехал на своём грузовом мотороллере. Навёл порядок во дворе и в доме, вызвал врача и отправил дядю в больницу. Тот перед отъездом попросил Николая, чтобы он забрал матрас себе: «может, на что сгодится». Заметьте, ни один, ни другой даже не подумали вернуть его на свалку. Наверное, фамильная черта. Я бы не назвал это скарденностью, но некоторый элемент плюшкинской психологии, на мой взгляд, имеется. Они, вероятно, считают это хозяйской жилкой. Я спросил:

– И что ты с ним будешь делать?

Николай почесал затылок:

– Придумаю. В нём железа килограмм двадцать на крайний случай.

Я пожелал ему удачи и отправился восвояси.

Утром разбудил звонок от Николая. Он нуждался в помощи и просил срочно приехать. С недобрый предчувствием отправился к нему. Предчувствие не обмануло. Николаю и его жене требовалась медицинская помощь. Во дворе стоял сильный горелый запах. На мои расспросы Николай поведал о происшедшем накануне.

Будучи человеком энергичным, он не стал откладывать дело в долгий ящик. Решив, что для добычи желанного металла проще всего матрас сжечь, он приступил к выполнению. Затащил его во внутренний двор, плеснул солярки и подпалил. Вероятно, всё бы прошло благополучно, если бы он не отлучился, но его зачем-то позвала жена. Десяти минут хватило, чтобы огонь перекинулся на стоящий неподалёку деревянный туалет. И это бы ещё полбеды, но от горящего туалета занялся и сгорел соседский курятник. Пришлось отстегнуть соседу нехилую сумму.

Обгоревший матрас представлял теперь собой пружинно-проволочную конструкцию, которую следовало чем-то разрезать на мелкие части. И Николай, недолго думая, применил для этой цели «болгарку». Это довольно опасный инструмент, не предназначенный для подобных работ, что «болгарка» вскорости и доказала. От перекоса лопнул режущий диск, и отлетевший осколок глубоко впился Николаю в ногу. Но это не сломало упорства матёрого сборщика утиля. Смазав рану зеленкой и заменив диск, он завершил дело. Затем измельчённый скелет матраса был уложен в мешок из прочного искусственного материала белого цвета, который в данный момент лежал возле ворот.

За ночь нога у Николая воспалилась, её разнесло так, что он еле ходил. Его жена, выйдя утром по делам, споткнулась о злополучный мешок и упала, вывихнув при этом руку. Вот Николай и вызвал меня, чтобы отвезти жену в больницу, а на обратном пути, как он мечтал, заехать на пункт приёма металлолома. Никакие отговорки не помогли, и таким образом белый мешок с останками матраса оказался в моём багажнике. Замкнулся ещё один круг.

В приёмном отделении скорой помощи, куда я их доставил, хирург после осмотра госпитализировал обоих. Причём состояние ноги Николая было признано тяжёлым, и ему предстояла срочная операция. Прощаясь, Николай попросил, чтобы я всё-таки сдал сей металлолом в мешке, но получил решительный отказ. Я сказал, что брошу мешок ему во двор, а он потом пусть сам с ним разбирается. И тут взбунтовалась супруга Николая, видно достал он её своей погоней за мелочной прибылью. Громким и неприятным голосом она высказала всё, что думала об умственных способностях Николая, помноженных на эгоизм, и заявила, что если ещё увидит какой-нибудь хлам во дворе, то подаст на развод. Меня же она попросила:

– Алексеевич, ради бога, выброси где-нибудь эту дрянь, чтобы я больше её не видела.

На том и расстались.

Что оставалось? Мудрить было ни к чему. И я отправился на известный мне пункт приёма металла, как вы понимаете, не из корысти. Увы, там были какие-то люди, которые сказали, что пункт закрывается, мол, у хозяина проблемы не то с лицензией, не то с её отсутствием. Я понял, что нужен профессионал. И у меня такой знакомый имелся – Фёдор Фёдорович, бывший колхозник, а ныне пенсионер. Он держал коров, а на досуге собирал и сдавал металлолом. Я к нему и отправился.

Встретились. Я завёл разговор на общие темы, а затем, как бы невзначай сказал, что у меня завалялось немного металла, и чтоб добро не пропадало, хочу его отдать. Фёдор Фёдорович без долгих разговоров взял мешок и забросил его на доски возле гаража. Я ещё сказал ему, что мешок лежит неустойчиво, ещё упадёт с высоты. На что Фёдор Фёдорович резонно заметил:

– Там что? Хрустальная люстра?

Я успокоился и поехал домой. Мешок был в надёжных руках, его участь была предрешена. Но как оказалось, успокоился я рано. На пути матраса оказался сын Фёдора Фёдоровича Васька, редкий оболтус, вмешательство которого изменило ситуацию к худшему.

На следующий день мне надо было съездить по делам на тот край, и, проезжая мимо двора Фёдора Фёдоровича, я увидел его самого. Проехать, не поздоровавшись, было неудобно, и я затормозил. Поздоровались. Фёдор Фёдорович выглядел грустным. На вопрос о причине поведал следующее:

– Не послушал вчера тебя, Родион, поленился сразу отнести мешок с железками в мотороллер, а корова выходила со двора да зацепила мешок, а он и упал прямо на кобелька, что сзади бежал. Что-то ему видно внутрих повредило, к вечеру сдох. Жалко.

Мне тоже стало жалко маленького симпатичного пёсика.

После этого Фёдор Фёдорович отнёс мешок в кузов мотороллера и добавил в него ещё несколько железок. В тот же день, выезжая на мотороллере со двора, он пробил скат. Ваську он выловил только сегодня утром и заставил его отремонтировать колесо. Тут я обратил внимание на отсутствие мотороллера во дворе. Фёдор Фёдорович схватился руками за голову и взвыл:

– Ах, паразит, уехал всё-таки, обормот!

Дело в том, что Василь был лишён водительских прав, но обладал нездоровой страстью к процессу езды, при любом удобном случае он седлал любую технику, пер куда глядят глаза и неизменно попадался гаишникам, а штрафы регулярно платил отец.

В это время проезжавший мимо на велосипеде мальчуган крикнул:

– Там ваш Васька в аварию попал!

– Где?

– Недалеко, на винзаводском повороте.

Фёдор Фёдорович побледнел и попросил меня подбросить до места. Было действительно недалеко, и мы прибыли, можно сказать, ко времени. То есть гаишники уже были на месте и разбирались, что к чему. Я стал в сторонке и начал вникать в ситуацию. Произошло следующее. Когда Василь повернул налево, плохо закрытый борт открылся, и белый мешок выпал на дорогу. Ехавшая следом «девятка» попыталась от него увернуться, вильнула вправо и врезалась в деревянный забор. Василь что-то услышал, остановился возле магазинчика, слез с мотороллера и застыл с открытым ртом. Водитель «девятки» подошёл к Василию и хорошо заехал ему в глаз. Тот пришёл в себя и уже хотел дать в ответ, но их разогнал хозяин магазина, который и вызвал милицию. В ходе разборок выяснилось, что водитель легковушки был поддатым, что несколько смягчало позицию Василя. Когда мы подъехали, этот балбес заявил, что выпавший мешок принадлежит мне. Стражи дорог удивились и заинтересовались, действительно ли так? Пришлось подтвердить. Впрочем, я быстро объяснил ситуацию, и они вернулись к своим баранам. Тут обнаружилось, что в машине была пассажирка, тоже слегка поддатая и требовавшая оказания медпомощи по поводу нескольких ссадин. Вот меня и попросили исполнить гражданский долг – доставить пострадавшую в травмпункт, а также забрать свой мешок с дороги.

Не знаю, чем кончилось дело для водителя «девятки», вряд ли хорошо, а Фёдор Фёдорович заплатил привычный штраф за Васькину езду без прав. Пострадавшая девица, на мой взгляд, пострадала не очень, носилки не требовались, однако, когда я её доставил, у неё заподозрили сотрясение мозга и оставили в больнице.

А фельдшер приёмного отделения меня узнала.

– Вы что-то зачастили к нам, дядя, прямо каждый день. Где вы их находите?

– Да это не я их нахожу, а матраc. Только он сейчас разрезанный в мешке.

Она удивилась:

– Уж не тот ли это мешок, который вас просили выбросить?

– Да, он самый.

– Ну, надо же! Тут, кстати, недавно дедушку одного доставили. Тоже через матрас пострадал.

– С переломанной ключицей?

– Точно. Вы его знаете?

– В глаза не видал. Но знаю, что покалечился он через этот матрас. Только тогда он ещё был целый.

– Вот это да! Избавьтесь от него, наконец, а то полрайона перекалечится.

Я сказал, что постараюсь, и распрощался. Надо было действовать конкретно, и я рванул напрямик на центральную свалку. Но въезд на неё оказался перекрыт развёрнутой фурой и машинами с руками людьми, судя по всему водителями мусоровозов, которые тоже не могли попасть к месту назначения. Негде было даже остановиться и пришлось ехать прямо. Вырулив на районную дорогу, я проехал несколько километров, высматривая удобное место. Наконец – дорога налево, и я стал искать какую-нибудь хуторскую свалку. Вдоль речки тянулась посадка, и, плюнув на экологию, я остановился и поволок белый мешок в лесополосу. Вернувшись, я увидел возле моей машины милицейский УАЗ со стоящим рядом местным участковым. Он откуда-то возвращался и случайно заметил мои манёвры. Они показались ему подозрительными. Пришлось тащить мешок назад и объясняться с предъявлением документов. Запахло штрафом, но обошлось выговором. В это время мимо проходил довольно поддатый мужичок с удочкой. Видимо в ожидании скандала, он приостановился и насторожил уши. Услышав, что в мешке железо, которое я хотел выбросить, сей хуторянин попросил отдать добро ему, так как он тоже пробавлялся этим бизнесом. Я тут же отдал ему осточертевший мешок, он забросил его на спину и поковылял берегом к хутору. Всё уладилось, и, попрощавшись, мы разъехались по домам.

Утром зазвонил линейный телефон. Это по справочнику меня разыскал давешний участковый и попросил немедленно приехать. Возникло беспокойство. Вскоре я уже был возле его двора.

Оказалось, что накануне произошло следующее. Забудьга с белым мешком, удалившись от нас, пошёл берегом, поскользнулся на сырой глине и упал в воду. Там было не очень глубоко, но мешок зацепился за одежду на спине и не дал ему выплыть. То есть, попросту его утопил. Ранним утром на него наткнулся рыбак. Спрашиваю:

– А я тут при чём?

– Вы любите ходить на допросы к следователю?

Я без раздумий ответил отрицательно. Стало понятно, что ему тоже не хотелось лишней мороки, и он решил оформить дело как обычный несчастный случай в результате злоупотребления алкоголем. В сущности, так оно и было, а железки в этом деле оказались лишними. Я загрузил мокрый мешок в багажник, а участковый как бы невзначай так и ехал вслед за мной сопровождающим до самой станции.

Что делать? Поставил я мешок в свой гараж в углу, от греха подальше. Тут, думаю, для окружающих он безопасен, а потом видно будет.

Однако на следующую ночь, где-то часа в три, меня разбудили соседи и сообщили, что из моего гаража доносятся крики. Чувя неладное, я поспешил. Крики были о помощи.

Оказывается, один лихой молодой человек, смущённый приличным видом моего гаража, решил ночью незаконно проверить его содержимое с целью воровства. Ворота на виду, да тьмы открыть у него не хватило, поэтому он с тылу снял шиферину с крыши и проник внутрь. Путь он освещал маленьким фонариком, в свете которого и увидел белый мешок в углу. Воришка решил использовать его как ступеньку на пути вниз, но не учёл его внутренней неустойчивости, и в результате грохнулся на цементный пол, сломав при этом ногу и разбив лицо.

Обездвиженный, он впал в отчаяние, и, поняв, что дело плохо, начал взывать о помощи. Что оставалось? Кое-как я погрузил этого горе-грабителя в «Жигули» и повёз его в больницу, советуя ему соврать что-нибудь о причине падения. Уж очень не хотелось потом объясняться в роли потерпевшего.

Как на грех, дежурила уже знакомая фельдшерша. Увидев меня, она ахнула:

– Неужели опять Он?

Я сознался:

– Да. Вот, споткнулся об него.

Женщина в белом халате испуганно перекрестилась и уставилась на пострадавшего. Тот, ничего не понимая, часто заморгал и посмотрел на меня. Я постарался ему объяснить, но, наверное, только сбил его с толку и напугал:

– Ты не первая жертва матраса, который в белом мешке.

А потом добавил на ухо:

– На его счету уже есть труп, а просто побитые в основном здесь, в больнице.

Хотя он всё равно ничего не понял, но проникся и сказал:

– Дядя, я теперь ваш район десятой дорогой буду обходить.

Было ещё рано, все спали, и свидетелей не могло быть. Я вернулся к гаражу, взял злополучный мешок и отнёс его в мусорный контейнер, где на всякий случай замаскировал всяким хламом. И успокоился только после того, как на следующий день увидел процесс загрузки содержимого контейнера в мусоровоз. Всё.

Дня через два после этого случилась мне нужда зайти в сельскую администрацию. По дороге мне встретилась хорошая знакомая Христина Григорьевна, которая направлялась туда же. Скрывать не буду, некогда у нас был маленький роман, и мы были в хороших отношениях. Возможно, польские корни сказывались, и эта приятная дамочка была довольно сентиментальна, что при её должности выглядело странно. Она была заведующей кладбищем. Вот и сейчас она поведала грустную историю своей бывшей одноклассницы. Бумаги в её руках были документами на казённое захоронение, бомжей ведь тоже нужно хоронить, и это были последние страницы жизненного пути некогда скромной, аккуратной и благополучной девочки, Христининой подружки школьной поры.

Всё у неё в жизни складывалось хорошо – выучилась, вышла замуж, подрастали двое детей. Кто бы подумал, что в тихой, легко краснеющей женщине таится жуткая мстительность и способность на отчаянные шаги. Это выяснилось, когда она застучала мужа с шалавистой соседкой в интимный момент. Скандала и шума она не подняла, простила кающегося мужа, а вечером выследила соседку и зарезала её как свинью, одним ударом большого столового ножа. Ей дали семь лет. Муж взял развод, всё продал и уехал с детьми, не оставив адреса.

Из тюрьмы она вышла другим человеком. В наколках, худая, страшененькая, разговор хриплым прокуренным матом и пьющая всё, что горит. Скиталась, где попало, пока не очутилась на свалке среди бомжей. И вот финал – на днях подралась с каким-то бродягой за выпавший из мусоровоза мешок, тот дал её чем-то по голове и, как оказалось, убил. У них это запросто. Я спросил:

– Белый мешок?

– Да, белый. А ты откуда знаешь?

Христина насторожилась и подозрительно на меня уставилась. Я постарался уйти от темы и распрощался. Наверное, это был последний привет от Матраса. Надеюсь на это.

* * *

Вот так, Вера Максимовна, можете верить в эту историю, а можете считать её байкой. Я материалист – в магию и прочее не верю, тем более в душу вещей. Всё это, конечно, не более чем дурацкое стечение обстоятельств. Дело не в этом. Я сам в моей жизни подобен этому матрасу. Я как какой-то магнит, притягивающий всякие ситуации и приключения. И ладно, если бы всё происходило только со мной, но ведь часто я становлюсь своего рода катализатором всяких событий вокруг меня. Это не обязательно несчастья, но сама их концентрация заставляет задуматься – неужели причинность во мне? Что-то, мною не замечаемое? Из-за этого вся моя жизнь какая-то фрагментарная, зигзагом. Я не люблю приключений Я тихий обыватель, но созерцательный образ жизни у меня не получается. И нести мне эту ношу, видимо, до конца. Или пока не узнаю причину. Впрочем, договорим в следующий раз, уже идёт мой приятель.

– Когда встречаемся?

– Да, снова так же, похоже, у вас на редкость стабильная орбита.

Он попрощался будничным тоном, вылез и пошёл помогать укладывать купленный товар.

Был слышен их разговор:

– Что, опять знакомую встретил?

– Ну, да.

– Давнишнюю?

– Нет, месяца два всего.

– Да тебя, Алексеевич, хоть в Антарктиду забрось, у тебя и там пара знакомых пингвинов найдётся.

Хлопнул багажник, и они уехали. Вскоре пришла Лида, и они тоже покинули рынок.

Дома Вера Максимовна первым делом взяла календарь и произвела несложный подсчёт.

Вышло шестьдесят три дня. Она произнесла число вслух. В комнату вошла Даша и спросила:

– Чего шестьдесят три?

– Дня. То есть, месяца два.

– В двух месяцах может быть шестьдесят или шестьдесят один день.

– Правильно, если сказано два месяца, а месяца два – это и есть шестьдесят три или пятьдесят девять дней. Нюансы русского языка – от перестановки слов слегка меняется сумма.

– А в чём собственно дело?

– Родион Алексеевич говорил, что мы встретимся месяца через два.

– Мама, ты что? О, господи! Неужели ждёшь этой встречи?

– Уже.

– Что, уже?

– Уже встретились. Сегодня.

Даша растерялась.

– Не может быть! Как это? Да он выследил тебя, мама!

– Вот это вряд ли.

– Откуда ты знаешь, мама? Он маньяк, наверное.

– Да нет. Ты выслушай. Встретились мы действительно случайно. Он давно стоял на своём месте, это мы к нему подкатили. Всё просто, но чтобы это организовать специально? Здесь столько случайных факторов, что это подстроить просто нереально.

– И что теперь?

– А ничего. Через «месяца два» встретимся опять неведомо где.

– Ой, мне как-то не по себе, мама.

– Признаться, мне тоже. Да и ему видно не по себе от всего этого, хотя и говорит, что уже привык. Пытается привлечь меня как психолога для решения этих загадок природы.

– Ты хоть разузнала про него что-нибудь?

– Немного. Живёт в Камчатской. Пенсионер. Имеет «Жигули», а одна его знакомая при мне назвала его товарищем полковником. Судя по взглядам, которые она на него бросала, по женской части он малый не промах.

Затем Вера Максимовна пересказала Даше беседу с Родионом Алексеевичем и его рассказ о Матрасе. Слушая его даже в сокращённом варианте, Даша хохотала:

– Мама, это же сюжет фильма. Овцы-людоеды и помидоры-убийцы отдыхают. «Матрас разбушевался», нет, лучше «Матрас-терминатор». Угореть. Фантазия у мужика работает.

– Похоже, что он говорил правду.

– Тогда ещё круче. Так и вижу титры – фильм снят на основе реальных событий! Надо будет рассказать Лизе и ребятам.

Вере Максимовне, однако, было не очень весело. Она, скорее, испытывала сочувствие к Родиону Алексеевичу. Всё хорошо в меру. Бедные страдают от недоедания, богатые от пресыщения. Приключения разнообразят жизнь, но постоянные приключения могут изрядно поднадоесть. Даша заметила её настроение и умерила веселье. Вера Максимовна сказала:

– Родион Алексеевич просил помочь ему, а не смеяться над ним. Человек он, конечно, оригинальный, но и на записного вралю не похож, да и на артиста тоже, хотя... Это, наверное, от манеры разговора.

Вера Максимовна давно знала, что большинство людей говорит на нескольких вариантах родного языка – на работе на одном, дома на другом, в гостях на третьем и так далее. У Родиона Алексеевича это происходит более выразительно, как-то механически, будто переключаются программы. Когда он говорит на общие темы, то шпарит без запинки, как по книге, словно лекцию читает. Скорее всего, у него высшее образование, но даже если это самообразование, то такого уровня, что он заткнёт за пояс многих обладателей дипломов. Когда он рассказывает о других, речь его становится более живой. А когда начинает говорить о себе, то, как и всякий обычный человек, начинает мямлить, мычать и употреблять слова-паразиты. Возможно, в запасе у него есть и другие диалекты. Вот это переключение и создаёт впечатление артистизма. Но это, наверное, только впечатление. Артисты ведь тоже переключаются, но делают это сознательно, намеренно, а для Родиона Алексеевича, похоже, это как дышать, естественный процесс. В этом месте Вера Максимовна подумала вслух:

– И у него выразительное лицо, а вот с чувством юмора, того...

Даша удивилась:

– Неужели отсутствует?

– Этого нельзя утверждать, ирония в его рассказах присутствует, то есть чувство юмора имеется, но какое-то своеобразное, нестандартное.

На что Даша резонно заметила:

– Вот это как раз понятно. Для мужа, возвращающегося из командировки, анекдоты про него не кажутся смешными.

– Возможно, так, а возможно, дело не в этом.

– Мама, не надо углубляться. Бог послал тебе твою противоположность, человека, с которым постоянно что-то происходит и случается, и как писатель используй это. Вдруг, и правда, ещё встретитесь, так на всякий случай носи диктофон. Хочется услышать живой голос этого чуда природы, а то ведь можно заподозрить, что всё это выдумки.

Сумасшествие, наверное, действительно заразно. Несмотря на полную нелепость, Вера Максимовна начала таскать с собой диктофон, и, как оказалось, не зря.

Встреча четвёртая

Начальника Веры Максимовны в глаза и за глаза подчинённые называли боссом. Он был руководителем ещё с советских времён, но догматиком управления не являлся. Именно поэтому Вера Максимовна, подменяя заболевших и отпускников, время от времени ездила в командировки, которые не имели прямого отношения к её служебным обязанностям. Отправляя её в такую командировку, босс употреблял странное выражение: «продуть ноздри». Его выбор диктовался серьёзным отношением Веры Максимовны к делу и не в последнюю очередь её семейным положением. Впрочем, особых трудностей не было. Вопросы с партнёрами решались рутинные, а география поездок не была обширной. Хватало одного рабочего дня, реже двух.

В этот день, несмотря на пятницу, Веру Максимовну с утра отправили в станицу Ленинградскую Краснодарского края оформить некоторые документы с поставщиками. Дело привычное, и к обеду она управилась. Быстрота объяснялась желанием их конторы подчистить дела к выходным. Просили остаться пообедать, но она торопилась, так как ждала приезда Даши.

В хорошем настроении Вера Максимовна уселась в казённую «Волгу» рядом с водителем Мишей, и они двинулись по широкой улице в сторону трассы на Ростов. Миша человек молодой, но серьёзный, возможно оттого, что, несмотря на юность, уже женат и имеет ребёнка.

До автострады оставалось совсем немного, когда под ногами раздался какой-то негромкий скрежет. Миша занервничал, свернул на обочину и, заглушив мотор, обречённо сказал: – Приехали. Кажись, коробка навернулась.

В технике Вера Максимовна разбиралась слабо, но, глядя на расстроенное лицо парня, догадалась, что поломка нешуточная:

– И что теперь делать?

– Да придётся вам на автобусе добираться, а я уж тут буду помощи ждать.

Осенняя погода вдруг стала казаться неприветливой, и захотелось есть. Она сказала:

– Ладно. Схожу в тот магазинчик, куплю что-нибудь съедобное, перекусим, а затем позвоню начальнику, и пусть решает, что нам делать дальше.

Они стояли за поворотом направо перед маленьким продуктовым магазином, куда Вера Максимовна и направилась. В дверях она столкнулась с выходящим мужчиной, в котором сразу опознала Родиона Алексеевича. Всё-таки к чертовщине трудно привыкнуть, и она растерялась. Он поздоровался первым и удивлённо спросил, какими судьбами её сюда занесло. Тут Вера Максимовна заметила его машину, стоящую через дорогу. Разговаривать в дверях было неудобно. Они отошли в сторонку, и Вера Максимовна кратко поведала о командировке и о поломке «Волги». Родион Алексеевич проникся и сказал, что по мере возможности готов помочь. Тут подошёл Миша, отозвал её и спросил:

– Вера Максимовна, вы, что, знакомого встретили?

– Да.

– А не мог бы ваш знакомый нас выручить?

– Как?

– Да тут неподалёку, километров двенадцать, есть станица Атаманская, а там живёт мой двоюродный брат, который занимается автосервисом. Вот если бы попасть туда, то уже сегодня я бы дома был на исправной машине. Попросите своего знакомого буксирнуть нас туда. Недалеко ведь.

Она изложила всё это Родиону Алексеевичу и попросила о помощи. Он подумал и сказал:

– Я еду от дочки. По большому счёту время у меня есть, и если утрясти финансовую сторону, то войду в положение. Вы ведь здесь, как я понял, по казённой надобности, то есть

на работе, и получаете за это зарплату. А мне придётся делать изрядный крюк, и с какой стати я буду катать вас на своём бензине?

Вера Максимовна сказала, что деньги на бензин есть, и тут же позвонила начальнику, которому объяснила ситуацию и план действий. Он дал добро и похвалил её за предприимчивость. Эта похвала значительно повышала шансы на следующую командировку. Всё уладилось.

Хозяйственный Миша достал буксирный канат из багажника, Родион Алексеевич подъехал, закрепил канат, а затем сказал Мише, что дороги он знает и поедет к Атаманской наименее загруженным маршрутом. Миша в свою очередь объяснил ему расположение мастерской. Вера Максимовна села в машину Родиона Алексеевича, и кавалькада двинулась в путь. Они действительно поехали каким-то объездным путём, но дорога была хорошей и довольно пустынной. Родион Алексеевич вёл машину аккуратно и без напряжения, что свидетельствовало о немалом водительском опыте.

До Атаманской и в самом деле оказалось недалеко. Доехали туда в молчании и без приключений. Оставив Мишу с «Волгой» в мастерской, Родион Алексеевич вырулил на дорогу в направлении станицы Павловской. Остановившись на обочине, он достал карту дорог и протянул её Вере Максимовне со словами:

– Я и так расстояния знаю, а это вам, чтобы убедились в том, что должны мне двадцать пять литров бензина. Заправляться будем в Кушёвке, там бензин хороший.

Вера Максимовна выразила согласие, и они выехали на трассу. Тут она вспомнила про диктофон и включила его. Разговор начал Родион Алексеевич:

– Вера Максимовна, помните ли вы нашу встречу? О чём тогда говорили?

– Да, помню. Но, простите, ведь я ничтожно мало знаю о вас и вашей жизни, чтобы делать какие-то выводы. Вы должны поподробнее поведать о себе.

– О чём конкретно? Когда всё это стало проявляться?

– Нет, просто о себе и своей жизни – кто, как и откуда. Что-то вроде автобиографии.

– С чего же начать?

– Давайте с самого начала. С рождения.

– Даже так? Что там могло быть интересного?

– Как знать? Иногда имеет немалое значение в дальнейшем.

– Наверное, вы правы. Все мы родом из детства. И в самом деле, я чувствую, что в моём характере есть что-то такое первобытное, сохранившееся с детства, только оно подшлифовалось цивилизацией. Ладно. Сам напросился, влиять не буду. Всего, конечно, не рассказать, никакой книги не хватит, а что интересное было, изложить попробую.

Биография моя довольно обыденна, и особого интереса не представляет. Как все учился, служил, работал. В общем, никакого детектива. А вот некоторые занятные моменты случались. Но надеюсь на ваш такт психолога. Вообще-то ничего такого потаённого я вам рассказать не смогу, потому что никаких душевных надломов у меня нет. Всё это скорее исследование непонятных явлений. Но все-таки мне трудновато, ведь вы практически первый человек, который услышит мои некоторые воспоминания.

Н-да. Рождение. Вот есть такой фильм, «Формула любви». Там у графа Калиостро есть плутоватые слуги – Джакоб и Маргадон. И там есть любопытный эпизод, где Джакоб интересуется у Маргадона о его родине. Тот отвечает, что родины у него нет вообще, потому что родился на корабле, а куда он плыл и откуда, все давно забыли. У меня, конечно, не такой тяжёлый случай, но чем-то похоже. Место моего рождения как бы размазано в пространстве.

Я появился на свет в поезде дальнего следования во время движения и вне каких-либо населённых пунктов. Запись в свидетельстве о рождении, однако, вносить надо, и местом рождения у меня обозначено название небольшой станции, на которой высадили роженицу, то есть матушку мою, и где ей выдали справку в местной больнице. На этой неведомой станции я никогда больше не бывал. Почему так случилось? Думаю, это оттого, что я был первенцем, и у

матушки не было никакого опыта в подсчёте сроков. В результате я оказался типичным самородком, то есть, когда пришло время, то я сам по себе, без посторонней помощи появился на свет. Пока проводница бегала по вагону в поисках врача, всё и произошло природным диким образом. Наверное, это имело значение в дальнейшей жизни, так как лет до сорока я вообще ни разу не болел. Травмы не в счёт. Нет, вру. Лет в пять перенёс корь, но легко. Никаких родовых осложнений не случилось, хотя вес мой зашкалил за пять килограмм. Сохранилась фотография, впечатляет.

Вообще-то, вспоминать это время мне нелегко. Через много лет выяснилось, что с моим рождением не всё так просто. Имелась предыстория в духе мексиканских сериалов, и, боюсь, что не всё ещё и закончилось, хотя по иронии судьбы именно мне пришлось досматривать и хоронить основных фигурантов тех событий. Это отдельная тема, уводящая в сторону. Возможно, потом к ней вернёмся.

Сейчас, вспоминая раннее и школьное детство, я понимаю, что действительно чем-то отличался от сверстников. Чем конкретно, даже затрудняюсь точно определить, так как сам объект исследования, но попробую. Полагаю, что это был некий личностный недостаток. Дальтоник, к примеру, знает, что со зрением у него что-то не так, чего-то недостаёт, но чего именно, представить не в состоянии. Я, наверное, тоже в каком-то смысле дальтоник, но в иной области связей с миром. Внешне это выражалось в доверчивости и неумении врать. Каким-то образом это было связано с отсутствием некоторых страстей – зависти, честолюбия и стремления к лидерству. В частности, не было желания стать чемпионом, хотя спортивный азарт присутствовал. То есть я производил впечатление редкого простачка, если не малохольного.

Однако я вовсе не был глуп. Как бы в компенсацию, моё сознание стало развиваться в рационально-логическом направлении. Так бывает, например, когда при плохом зрении обостряется слух, и тому подобное. В четыре года я научился читать. Сам. По вывескам, упаковкам и газетам.

Уловил связь между буквой и звуком. Моё умение обнаружилось случайно, причём не родителями, а соседом дядей Лёней. Выбрав момент, я попросил его объяснить роль мягкого и твёрдого знака. Он исполнил просьбу и сильно удивился, услышав, как я шпарю тексты без запинки. Вечером он попенял моим родителям за то, что рано учат меня чтению. Те, в свою очередь, удивились не меньше и вначале даже хотели за своеволие дать ремня, но обошлось. Слава богу, я был из простой семьи, где никому в голову не пришло делать из меня вундеркинда. Моё умение рассматривалось, скорее, как фокус. Кто-то из детишек мог засунуть голову между ног, кто-то мог шевелить ушами, а вот я умел читать. Всё это повлияло на мой характер и в каком-то виде сохранилось. Причину могу только предполагать. Возможно, таким уродился, а возможно, и воспитание сыграло роль.

Я ведь себя помню лет с трёх, а то и раньше. Воспитывали меня исключительно методом кнута. Ремнём матушка, а розгами бабушка. Вы не поверите, но на видном месте на стенке висел пучок прутьев или на бабушкином языке «вичек», замоченных специально для меня. Это не было садизмом, а чтобы было больно, но не увечило, согласно теории бабушки. Не то чтобы я был недисциплинированный или озорной, уж скорее спокойный и послушный. А наказывали за всякую оплошность, порою просто, чтобы не надоедал и не путался под ногами. Впрочем, я не обижался, соседских ребятишек по случаю тоже лупили почём зря, и для меня это была норма бытия. Не мною установленные правила игры.

Матушка моя, царство ей небесное, была слабохарактерным, вечно унылым человеком. А вот бабушка Авдотья была моим злым гением. Характер имела деспотичный, властный и решительный или, как сейчас выражаются – упёртый. Несмотря на малограмотность, в войну была председателем колхоза. Понятно, что все у неё ходили по струнке и пикнуть не смели.

Они уже проехали Павловскую и двигались по федеральной трассе. Внезапно Родион Алексеевич съехал на обочину и остановился. Затем вылез и закурил. Вера Максимовна тоже вышла и спросила:

– Что-то случилось?

– Нет, просто перекур. Всё-таки не думал, что разволнуюсь от воспоминаний. Знаете, я ведь никому об этом не рассказывал, да и сам постарался забыть, однако, не забывается.

– Родион Алексеевич, то, о чём вы рассказали, вряд ли имеет прямое отношение к главной проблеме. Тут другое. Возможно, вас беспокоит старая обида, не переваривайте её в себе, расскажите, и вам станет легче.

Он выбросил сигарету, сел в машину, и они поехали дальше. Помолчав, Родион Алексеевич продолжил разговор, который больше походил на монолог, чем на беседу.

– Я понимаю ваши рассуждения, Вера Максимовна, и всё-таки не соглашусь, что дело в обиде. Обижаться можно на конкретного человека, его волю или бездействие. Вам не сделали желанного или сделали нежеланное. Природа, её явления не обладают свободой воли, и обижаться на них бессмысленно, а если всё-таки это делать, то нарушается логика. Как если бы некто горбатый стал обижаться на остальных людей за то, что они не горбатые. Нельзя обижаться на пенёк, о который споткнулся, и на собаку, вас укусившую. Это тонко подмечено ещё Сократом, когда своим отказом от мести он уравнил базарного хулигана с лежащимся ослом. Можно ли обижаться на осла? Любовь и её отсутствие – природные инстинктивные страсти, они вне воли человека, что давно отмечено даже в пословице «Насильно мил не будешь». А потому обижаться на отсутствие любви бессмысленно и глупо.

Да, я был нежеланным и нелюбимым ребёнком. Такое случается. Меня не ласкали, не рассказывали на ночь сказку, не звали нежными именами и не дарили подарков просто так. Не баловали вкусеньким и не устраивали дней рождения. Всё это было у других детей. Но я осознал это спустя годы, уже взрослым человеком. Было чувство запоздалой горечи, но никак не обиды. А сравнительно недавно пришлось ещё раз пережить это чувство, когда неожиданно для себя узнал причину. Вы уже, наверное, догадались, я был внебрачный, незаконнорожденный ребёнок. Как потом оказалось, великой тайны в этом не было, и кое-кто про это знал. Но эти люди из деликатности мне ничего не говорили. А самому такие мысли не приходили в голову.

А за что обижаться на родню? В целом хорошие люди, они в своём отношении ко мне не лицемерили и не играли фальшивой любви. Просто я оказался довеском, лишней деталью в их системе отношений, нарушил планы и течение жизни. Но мне ли их судить? Ведь всё могло быть гораздо хуже. Остаётся только благодарить за нормальное исполнение родительских обязанностей, которое означает доброжелательное отношение, во всяком случае не унижали и не издевались. За исключением бабушки Авдотьи. Наверное, своим появлением я изрядно попортил ей кровь.

И что с того? Оглядываясь назад, я считаю, что у меня было вполне счастливое детство. Я не рефлектировал и не задумывался о проблемах такого рода, так как не знал об их существовании и считал отношение ко мне естественным и нормальным. Иногда счастье в неведении. Вот если бы меня любили, а потом почему-то перестали, то был бы повод для раздумий, а так... Да, я наблюдал иное отношение к детям, но несколько не ревновал. Объяснение на поверхности. Они маленькие, они слабые, они девочки, они маменькины сынки, для которых «телячьи нежности» и всякие послабления естественны и необходимы. Я рос среди грубых пролетарских и колхозных детей и вписывался в эту среду, где быть маменькиным сынком считалось крайне непрестижным. Всё это негативного влияния на мой характер не оказало. Я вырос не озлобленным хорьком, а добродушным, любящим природу и жизнь вообще человеком.

– А вы уверены, что всё так и было? Ведь не всегда по поведению можно судить о чувствах.

– Вы хотите сказать, что нежные чувства прятались под внешней суровостью? Нет, не тот случай, я уже думал над этим. Потому что были ситуации, которые не вписываются в эту схему.

Вот, помню, где-то лет в пять я упал на битую бутылку животом и серьёзно поранился. Бабушка Авдотья у нас уже не жила, и без особого скандала меня доставили в больницу. Впервые я пересёк её порог. Видимо кишки я повредил, потому что мне сразу сделали операцию под общим наркозом. Но на другой день я уже был на ногах. Лежал я во взрослой палате и по своей инициативе в меру сил помогал лежачим больным мужикам, подать или позвать кого-то.

В больнице мне очень понравилось, Да и я там стал любимцем. Никто меня не ругал и не прогонял. Мне позволяли участвовать в разговорах и вообще держали за человека, а главное – давали вкусенького и сами больные, и те, кто их навещал. Медсестры ласкали. Это был праздник, созданный болезнью. Я знал, что по выздоровлении меня ждут серые будни. Дело в том, что меня никто ни разу не навещил и даже не пришёл забрать домой. У меня всё зажило как на собаке, и через неделю швы были сняты. Доктору я сказал, что и сам дойду домой, не маленький, хотя и далековато.

Он помрачнел и сказал, что самолично доставит меня на санитарной машине. Затем, глядя мне в глаза, проговорил:

– Помни одно, Родион, с твоим здоровьем ты переживёшь и похоронишь всех уродов.

Я не очень понял сказанное, но воодушевился. Что он сказал родителям по приезде, не знаю, но неделю они смотрели виновато и даже купили карамели. Представьте аналогичную ситуацию с вашей дочерью, сравните, и вы меня поймёте.

Вера Максимовна представила и открыла окно, потому что ей стало душно.

– Вот ещё из детства. На ту пору мне было четыре года. Тогда в пятидесятые с товарами было туго. Их не столько покупали, как «доставали». У матушки был талант модистики, но со швейной машинкой было беда, точнее, беда была в её отсутствии. Кто-то её надумил, и, прихватив меня, она отправилась на приём к большому торговому начальнику выпрашивать машинку. Таких умных была целая очередь, и мы уселись в коридоре ждать. От скуки я начал про себя читать попавшую в руки газету. Смысла я не очень понимал, да он меня и не интересовал, мне нравился сам процесс чтения.

В это время в коридоре появился самый главный начальник в районе, настолько главный, что все застыли на полусогнутых. Все, кроме меня. По малолетству я не сознавал начальственного авторитета, да и робостью в общении не страдал. Видимо, это и привлекло внимание важной особы. Он остановился, посмотрел на меня и сказал:

– Надо же, как мальчик подражает взрослым, газету держит так, как будто читает.

Матушка растерялась, но какая-то женщина, очевидно знакомая, сказала, что я и в самом деле читаю. Важный человек сильно удивился, но, вспомнив про дела, зашёл в кабинет. Вскоре он вышел оттуда и снова остановился возле меня. Спросил, чей я, и пригласил мать следовать за ним, не забыв прихватить меня с собой. На большой чёрной машине мы подъехали к зданию райкома. Начальник взял меня за руку и завёл в свой кабинет, велел матери подождать в коридоре на диване.

Посадив меня за стол, он устроил мне экзамен. Первым делом я назвал своё имя, возраст и адрес. Выяснилось, что я великолепно читаю вслух и про себя. Писать я не умел, так как не на чем и нечем было учиться. На вопрос об умении считать, я ответил, что с десятки сдачу в магазине сосчитаю. Он оторопел, узнав, что я хожу в магазин за хлебом. Умножение и деление я не знал, но сложение и вычитание производил, причём в уме, за неумением писать. Он задумался, встал и открыл сейф. Достал оттуда бутылку и хлеб с колбасой. Налил себе немного водочки, а меня угостил этой великолепной копчёной колбасой, вкус которой мне помнится до сих пор. Напоследок он показал мне на свои часы и спросил время. Я ответил, но приблизительно, потому что часы определял, а в показаниях минутной стрелки не разбирался, в чём и признался. Он растолковал мне принцип, я ухватил его на лету и тут же высчитал точное

время. Затем он велел мне посидеть в коридоре, а матушку вызвал в кабинет. О чём они говорили, не знаю, но она вышла оттуда сама не своя с какой-то бумажкой. Суетливо схватила меня за руку и отвела домой. Затем без передышки побежала куда-то с этой бумажкой в руке, и вскорости нам домой доставили чудо – ножную швейную машинку Подольского завода. Это действительно чудо техники. За несколько десятилетий нещадной эксплуатации машинка ни разу серьёзно не ломалась и по сей день нормально функционирует. То есть, пошла баба просить курочку, а ей дали индюшку.

Затем был разговор между матерью и бабушкой о происшедшем. Выяснилось, что матушке предложили устроить меня в Суворовское училище вне всяких очередей и конкурсов, мол, нечего пропадать способному малышу среди забулдыг и тупой деревенщины. Мать растерялась и попросила время на решение, а также необходимость совета со старшими.

И вот держали совет. Впрочем, какой там совет. Решения принимала бабушка, быстро и бесповоротно:

– Ещё чего!

Этим она сказала всё. Потом добавила:

– Хлеб есть, горох уродил, прокормим. Да и с какой стати?

Мать робко сказала:

– Так ведь по документам он вроде как без отца.

– Ерунда! Завтра займёмся и оформим бумаги. Ишь чего удумали!

Полагаю, что это было эмоциональное решение. О моём будущем не то чтобы думали в последнюю очередь, о нём не думали вообще, и меня, как личность, в расчёт не принимали. Дело, наверное, в амбициях бабушки. Она почему-то сразу решила, что моё будущее – это алкоголизм и жизнь под забором. О чём постоянно мне и талдычила, а потому в упор не признавала во мне качеств, нарушающих её точку зрения.

На следующий день чудеса продолжились. С утра подъехала машина, и какие-то люди передали две упаковки, одна побольше, другая поменьше. Как потом выяснилось, предназначались они лично мне, но этот момент бабушкой был проигнорирован, и меня даже не поставили в известность. В большой коробке было нечто нереальное – детский педальный автомобиль. В той, что поменьше, были сандалики, ботиночки, два набора карандашей, альбом для рисования, книжка сказок и килограмм шоколадных конфет.

Через какое-то время возле двора остановился четырёхсотый первый «москвич», и из него вылезла вальяжная дама, явно жена какого-то начальника. На переговоры с ней вышла бабушка. До меня доносились обрывки разговора:

– Машину мы заказывали... войдите в положение... пожалейте ребёнка... мальчик в истерике... заплатим хорошо.

Бабушка отреагировала на последние слова и начала торговаться. Вскоре согласие было достигнуто, и дама рванула за недостающими деньгами. На радостях она привезла в качестве бесплатного приложения подержанный трёхколёсный детский велосипедик и забрала почти все подарки. Мне достались сандалии, книжка и этот велосипед. Подозреваю, что если бы он был поновее, то бабушка его бы тоже загнала. Но я был рад и тому, что досталось. На этой операции бабушка и спалилась.

Спустя несколько дней возле двора остановилась большая чёрная машина, из которой вышел давешний большой начальник. Я как раз нарезал возле двора на велосипеде. Он поздоровался со мной, мы сели на лавочку, и, отвечая на его вопросы, я простодушно рассказал всё. Напоследок он спросил:

– Конфеты понравились?

– Да, целых три штуки!

Он потемнел лицом, встал и без разрешения, танком прошёл в дом мимо растерянной матушки. Там, скрестив руки, стояла бабушка. Она не испугалась, не дрогнула и выдержала тяжёлый взгляд начальника. Он, видимо, понял, что перед ним крепкий орешек, и спросил:

– Так это вы тут всем распоряжаетесь?

Бабушка нагло ответила вопросом на вопрос:

– А чё надо?

– Что решили насчёт мальчика?

– А ничё. У него есть родители, и он на их фамилии.

– Ясно.

Он повернулся уходить, но задержал взгляд на связке розог и спросил меня:

– Что это?

– Вички.

Видимо он знал толк в этом деле, так как спросил тоном знатока:

– Замачивают?

– Да. Каждый раз.

– Тебя кто наказывает? Родители?

– Нет, это забота бабушки.

– Ну, будь здоров, придумаем что-нибудь.

Он погладил меня по голове, не прощаясь, вышел и уехал. Больше я его не встречал.

Тут матушка не выдержала, и они здорово поругались, но бабушка взяла верх и подавила бунт. Однако на следующий день её вызвали в милицию. Что ей там сказали, не знаю, но через день она в спешке собрала вещи и уехала в Подмоскowie к другой дочери, материной сестре тёте Вале, и несколько лет тиранила её семью. Значительной роли в моей жизни она больше не играла. При отъезде бабушки я не мог скрыть радости. А когда мать спросила о причине моего хорошего настроения, то я бесхитростно ответил, что всё время боялся угроз бабушки. Боялся я не розог, а того, что однажды она напоит меня водкой и отправит жить под забор. Теперь я избавился от этого страха и зажил в своё удовольствие, насколько позволяли обстоятельства. Когда бабушка Авдотья вернулась обратно, я уже был крепким подростком и к общему удивлению очень быстро поставил её на место.

Вскоре мы перебрались на усадьбу отцовой матери бабушки Фроси, построили там небольшой дом и много лет жили в нём все вместе.

Вам, наверное, интересно про отца? Почему я о нём не упоминаю? Он был хороший человек, дружелюбный, но в моей жизни участия почти не принимал, как, впрочем, и в жизни других людей, да и в собственной жизни тоже. Прошёл тенью. Эта отстранённость была не равнодушием, а скорее пустотой сломленного войной и репрессиями человека. Его измочалило настолько, что в свои тридцать лет он выглядел на шестьдесят. Инвалид второй группы, последние годы он не работал, а всё больше посиживал на завалинке или слушал батарейный приёмник «Родина». Не ругал меня, не хвалил, лишь иногда, по моей просьбе, рассказывал жутковатые истории про войну, плен и побеги из него. После одного из побегов его поймали и отправили в печально известный концлагерь «Бухенвальд», где он чудом выжил. Освободившие лагерь американцы агитировали советских пленных остаться на Западе и предупреждали, что в СССР их ждут репрессии. Кое-кто остался, но Алексей Коновалов не поверил американцам и вернулся на родину. Домой он не попал, а после недолгих разбирательств вместо санатория был отправлен на уральскую шахту, где работал проходчиком и подорвал здоровье окончательно. И только после смерти Сталина его дело было пересмотрено. Отца признали невиновным и полностью реабилитировали. Лишь после этого он смог приехать домой и увидеть маму. Уверенный во всеобщем вранье, он учил меня не верить в коммунизм, радио и газетам. Много повидавший и испытавший, он имел на то основания. Запомнились его рассужде-

ния, что лучшая смерть в бою от пули в лоб или же заснуть и не проснуться. Именно так он угас однажды ночью, и в четвёртом классе я остался полусиротой. Сестра Нинка, естественно, тоже.

Что касается матери, то она, похоже, никогда и не задумывалась о своём отношении ко мне и считала, что всё в порядке. Родительский долг исполняла исправно – заботилась, кормила, одевала, а всякая лирика не имела значения. Она не была злой и бесчувственной женщиной, просто свою слепую материнскую любовь обратила на сестру мою Нину. Именно её она ублажала и сюсюкала над ней. По большому счёту мне на это было наплевать, если бы не одно но. Мне с детства внушалось, что моя главная обязанность – помогать сестре. И вообще, смысл моей жизни в бескорыстном служении близким родственникам. На этот счёт у меня с самого начала были сильные сомнения, которые переросли в открытый протест. Увы, мои доводы оказались бессильны против этой идеи, крепко засевавшей в их головах. По сей день за мою помощь меня никто не благодарит, считая это исполнением долга. А уж если я отказываю, то такое начинается!

Случилось так, что именно мне пришлось ухаживать за умирающей матерью. Сознание у неё было ясное, и мы с ней переговорили о многом. Тогда-то она и рассказала о моём происхождении, и о многом другом. И вопреки всему, даже сознавая своё положение, она день и ночь беспокоилась о Нине и её благополучии. Тут я не выдержал и спросил:

– Почему вы, мама, Нинку любите, а меня нет? Ведь бросается в глаза.

И получил бесхитростный ответ:

– Ты, Родион, самостоятельный и умный. Сам всего добьёшься в жизни и не пропадёшь, а Нина глупенькая, ей помогать надо.

Вот так вот. Получается, что если существует слепая материнская любовь, то также существует слепое материнское отсутствие любви. Да к тому же ещё и глухое.

Тут Вера Максимовна почувствовала себя в своей стихии и спросила:

– Скажите, Родион Алексеевич, вы со всеми своими родственниками в таких холодных отношениях? Или есть исключения?

– Ну, если честно, то исключения есть. Бабушка Фрося любила меня, но как-то сурово. Она не была сентиментальна по природе. А вот бабушка Анфиса была ласкова ко мне сверх нормы. Ещё есть у меня тётушка Лена, младшая мать сестра. Могу сказать, что она моя любимая тётя. Видимся мы нечасто, живёт она далеко, в другом городе, но всякий раз при встрече обнимает меня, целует, гладит по голове как маленького и, похоже, не замечает, что я давно повзрослел. Её отношение ко мне совершенно бескорыстно. И у меня к ней какая-то необъяснимая и безотчётная симпатия.

– Скажите, после вашего рождения ваша мама работала?

– Да. В те годы это было в порядке вещей. Лет до двух меня нянчили, кто попало. Младшие мамы сестры, в основном тётя Лена, пока не уехала учиться, а потом наёмные девушки-няньки.

– Это всё объясняет.

– Что именно?

– Материнское к вам отношение. В нём нет ничего загадочного, более того, оно и должно быть таким.

– Даже так? Интересно.

– Именно так. Учёный по фамилии Пиз написал книгу «Азбука телодвижений», где аргументировано показал, что наши чувства симпатии и антипатии, любви, агрессии и равнодушия во многом зависят от пространственных уровней общения, которые он высчитал до сантиметра. В частности, материнская любовь, её сила и формы зависят от времени нахождения в интимном пространстве ребенка, то есть в непосредственной близости и прямом тактильном контакте. Акушерам давно известно воздействие кормления грудью на психологию женщины. Судя по всему, у вашей матери просто не было времени нянчиться с вами. Больше всех этим

занималась тётя Лена – пеленала, купала, тетешкала и баюкала. Отсюда и чувства. И её, и ваши. А Нину ваша мама, судя по всему, вынянчила собственноручно, и для неё она всегда будет маленькой и глупенькой.

– Да-а! Виден подход специалиста. Скорее всего, вы правы. Я ведь об этих вещах знал, и с книгой этой знаком, только применить к себе не додумался. Наверное, потому, что этот Пиз никакой не учёный, а опытный торгаш. А книга его не более чем учебник по впариванию людям ненужных товаров. Своих идей у него нет. Пространство общения изучалось серьезными учёными, например, шведом Яном Линблантом, который ещё на мышах опыты ставил.

После недолгого молчания он продолжил свой рассказ:

– Бабушка Фрося жила ещё долго и умерла лет в девяносто, имея в наличии все тридцать два зуба и ни разу в жизни не побывав в больнице. Она была колоритной личностью. Родилась в конце девятнадцатого века, да так, похоже, в нём и осталась. Она была неграмотна и, возможно, поэтому обладала редкостной памятью. Она помнила людей и события многолетней давности так, как будто это было вчера. Видно сказывалась незагруженность мозгов образованием. Могла сказать, в каком году, в какой день, какая стояла погода, и что было на обед. Правда, календарь её требовал перевода, поскольку привязан был к церковным праздникам и прочим важным событиям – войнам, голодовкам, или, например, отсчётной вехой послевоенного времени был год, когда её «обобрали», то есть обворовали. По паспорту она была Евпраксией, но об этом мало кто знал. Если бы её звали Прасковьей, то уменьшительным было бы имя Параня или Парася, но Евпраксией и тогда крестили нечасто, а потому сначала её звали Просей, а потом более привычно Фросей, хотя это производное от Ефросиньи. Все к этому привыкли, в том числе и она сама. В те давние времена свобода выбора имени была небольшой, её ограничивал церковный регламент, зато именослов был разнообразнее современного. Распространенность некоторых имён вроде Ивана, Николая или Петра объяснялась не модой, а количеством дней в году с именами этих святых. Поэтому название ребёнка при крещении, особенно в многодетных семьях, было своего рода лотереей. Бабушка Фрося по отчеству была Ивановна, но у отца её также имелись ещё два родных брата, которых тоже звали Иванами. Им поневоле пришлось давать прозвища, которые и стали бытовыми именами.

– Родион тоже редкое имя. Это результат церковного произвола?

– Скорее вопреки. Попытка назвать меня по церковному канону была, но не получилась, иначе был бы ужас. У матери было много сестёр и только один брат Митя. Вот этот дядя Митя и дал мне имя. Впоследствии он рассказал мне, как было дело. Я тогда ещё удивился его активному участию в процессе, но по молодости не обратил должного внимания на эту странность. Это теперь я понимаю, что за неимением отца некоторые формальности были возложены на него, как на единственного мужчину в семье. У матери каких-либо именных предпочтений не было. Они были у моих тётушек. Ими были предложены Александр, Валентин, Юрий и Валерий. Потом они назовут так своих сыновей. Точку в споре поставила бабушка Авдотья. Она подошла к делу основательно, наведалась в церковь и просмотрела святцы. Выбор был невелик, но он всё-таки был, и бабушка выбрала из имеющихся в списке самое неблагозвучное имя Пудион. Я думаю, она сделала это специально. По какой-то причине мать не смогла пойти в назначенный день в сельсовет. Событие не представлялось чем-то значительным, и бабушка послала туда одного дядю Митю с приказом записать меня Пудионом. И тогда, и после дядя Митя относился ко мне равнодушно, и ему было совершенно до лампочки, как меня назвать. И быть бы мне Пудиком, если бы по дороге он не забыл это допотопное имя. Подозреваю, что дядя просто был под хмельком. Ему запомнилось только окончание «он», в чём он и признался работнице сельсовета. Она дала ему список имён, и, ориентируясь на окончание, он выбрал имя Родион. Узнав об этом, бабушка рассердилась и отругала почему-то меня, хотя в этом не было смысла. Я ещё не мог оценить её проклятья и только пускал пузыри. Дяде Мите в наказание она приказала организовать крестины и стать моим крёстным отцом. Организато-

ром дядя Митя оказался плохим, потому что уже в церкви обнаружилось, что крёстной матери нет в наличии. На скорую руку он попросил какую-то незнакомую женщину, стоявшую возле церкви, стать моей крёстной матерью. Она согласилась, но после ритуала ушла, и больше её никто никогда не встречал. Таким образом, я даже не знаю имени своей крёстной, и кто она такая. Однако со временем я понял, что дядюшка наградил меня хорошим именем. Оно вполне благозвучно и хорошо сочетается, к нему трудно придумать дразнилку, а его редкость ограничивает применение кличек. Называя ребёнка модным и распространённым именем, родители обрекают его на кличку. Сверстники обязательно его как-то обзовут и не всегда безобидно, чтобы выделить из многочисленных тёзок. У меня тёзок не было, и достаточно было назвать моё имя, чтобы стало ясно, о ком идёт речь. Впрочем, в детстве у меня была кличка, но временная. Я выделялся тем, что меня долго стригли под нулёвку, вот и прозвали Лысым. Но как только волосы отрасли, кличка была забыта. Однако, вернёмся к теме.

Бабушка Фрося была глубоко верующей православной христианкой, строго соблюдала церковные установления, и вера её не знала сомнений. Характер имела суровый и аскетичный. В общении была неприветлива и сплетен не любила. Но при этом, в действительности, была незлобивым существом. Вначале она меня не жаловала, даже по имени не звала, всё больше междометиями. Но очень скоро мы подружились, да иначе и быть не могло. Я оказался идеальным слушателем. В ту пору ещё не было радио и электричества. Долгими зимними вечерами мы с бабушкой жарили семечки, садились за стол в её комнате, и при свете керосиновой лампы она рассказывала мне былое, не делая скидок на возраст. Разинув рот, я с неподдельным интересом слушал всё подряд, лишь изредка задавая тему.

Бабушка была ходячей летописью событий двадцатого века – войн, революций и иных потрясений. Правда, в масштабе приземлено-бытового мировосприятия бабушки. Но именно это обстоятельство неожиданно делало историю живой, а людей и события показывало с непривычной стороны. Так, например, бабушка много рассказывала о генерале Деникине и его окружении. Одно время она была у него поварихой и естественно, что наблюдала его в быту. В сознании моих сверстников, и моём тоже, не было полутонов. После фильмов о Чапаеве и Щорсе было ясно – белый, значит по условию гад и подлец. К моему удивлению, бабушка не делила людей на красных и белых, которых она звала «кадеты», а судила по иному принципу – хороший человек или плохой. С её точки зрения Деникин был на редкость мужественным и порядочным человеком, бабушка говорила о нём с благоговением, а вот мнение о соратниках генерала было разным, вплоть до презрения. Бабушкины воспоминания сами по себе очень интересны, но это уведящая в сторону тема.

Бабушка меня вычислила. Вернее, мои качества, которым я не придавал значения, а кое о чём и не подозревал. Тут нужно отметить одну особенность.

Бабушка Фрося, как и любой православный русский человек, в некоторой мере была язычницей. То есть, наряду с основной религией, она всерьёз верила в домовых, ведьм, порчу, сглаз и другую чертовщину. Верила в гадание, приметы, а также соблюдала разные, порой странные табу. Для неё этот мир был вполне реален, она руководствовалась его правилами и, как ни удивительно, вполне успешно вписывалась в эту систему. Сглаз был для неё таким же явлением природы, как дождь или туман. Согласно её воззрениям, большинство людей в этом отношении нейтральны, не глазливые. Некоторые люди глазливые, то есть обладают «дурным глазом», свойством наводить порчу на всё живое, порою даже неосознанно. Все эти вещи – данность от рождения и независимы от воли. И уж совсем редко есть люди, обладающие «добрым глазом», некоей природной благодатью, свойством воздействовать на животных и растения в добром направлении. И вот оказалось, что мать моя и сестра глазливые, а я, к удивлению бабушки, обладаю добрым глазом. Поразительно, но всё это работало.

Вообще-то, я в сглаз не верю. Думаю, что это примитивное восприятие каких-то тонких связей в живой природе, внешнее проявление неосознанных воздействий человека на живое.

Возможно, я и не прав, но, думаю, что способность к этим воздействиям имеется у всех. Однако, как и всякая способность, развита в разной мере и в разных направлениях. Не знаю, атавизм это или новообретение, но у меня эти тонкие связи были выражены неплохо и, видимо, с рождения. Характерным признаком этого было отношение ко мне животных. Меня, например, никогда не трогали собаки. Любые. Не то чтобы боялись, а сразу и бесповоротно подчинялись.

У бабушки Фроси был огромный пёс дворняжьей породы по кличке Бурко. Этот злющий кобель практически был полудиким, никогда не знал ошейника, да и вряд ли кто мог похвастаться, что дотрагивался до него вообще. Он явно считал себя хозяином двора и вёл себя соответственно. Зайти к бабушке в гости было немалой проблемой. Даже её сестра, баба Нюра, живущая неподалёку, могла войти во двор только под охраной бабушки Фроси, вооружённой внушительной дубиной, которой приходилось отбивать атаки псины. Бабушку Фросю он, конечно, не трогал и более-менее слушался, но характер показывал. Во время кормёжки Бурко иной раз скалил зубы и рычал, если ему казалось, что бабушка находится слишком близко от миски.

Помню знакомство с бабушкой. Первое, что мы увидели, зайдя во двор, был несущийся на нас, остервенело лающий кобель, а за ним шкандыбала бабушка с дрыном в руках и кричала на Бурка. Я же, увидев собаку, с радостным воплем ринулся ей навстречу. Немного не добежав, пёс остановился и сел, продолжая лаять, но с каким-то жалобным оттенком. Я, не раздумывая, подошёл к нему и схватил за уши. Бабушка вскрикнула, но пёс лёг на брюхо и заскулил. Когда мимо проходили родители, он сделал, было, попытку броситься на них, но я, обхватив его за шею, удержал и сказал:

– Ты что, сдурел? Это же свои. Пошли знакомиться.

Подтащил пса к родителям и заставил обнюхать их. Бабушка, вероятно, перенесла шок, так как некоторое время была не в силах разговаривать. Поздоровавшись, отец спросил, чего это она встречает нас с дубиной. Бабушка только мычала и тыкала пальцем в меня с собакой. Мать на это сказала:

– Ой, извините, Родион любит играть с собаками, а они, паразиты, его и терпят.

И, повернувшись ко мне, отчитала:

– А ну-ка, перестань мучить собачку, сперва поздоровайся с бабушкой, хулиган.

И заметила бабушке:

– Смирный у вас кобелёк.

Можно представить смятение мыслей у бабушки, когда это исчадие назвали смирным песиком. Я же отправил кобеля в будку, пообещав, что теперь для него начнётся новая жизнь.

Потрясённый, он туда и отправился, и до утра не подавал признаков жизни. За несколько дней я приучил Бурка к дисциплине, и он стал нормальным дворовым псом, смирным днём и злобным ночью. Больше я себя ничем таким не проявил, разве что изрядным аппетитом и неразборчивостью в еде, то есть метал всё подряд, что давали.

Тем не менее, внешне неприветливая бабушка стала проявлять ко мне странный интерес. То попросит поймать и подержать в руках петуха, то нужно погладить яички в гнезде, то посадить в это гнездо квочку, и не просто так, а похвалив. При этом тщательно следила за моим настроением, чтобы в эти моменты я не был злым или расстроенным. Труда мне это не составляло, а злым и унылым я бывал редко. Все эти действия у меня удивления не вызывали, так как я считал их обычными правилами ведения хозяйства.

Дальше – больше. Со временем выявилось моё воздействие на растения. Всё, что я сажал в землю своей рукой, будь то рассада, семена или саженцы, стопроцентно приживалось, всходило и давало обильные урожаи. Похожим эффектом обладала вода, если я поливал своими руками. Отличие от того, что было посажено не мной, бросалось в глаза. Бабушка была крестьянкой по призванию и весьма усердной. У неё имелся немалый огород с поливным участ-

ком, небольшой сад и хоздвор со всякой живностью. Вычислив мои способности, она начала вовсю их эксплуатировать, и на несколько лет я стал её главным и единственным помощником по хозяйству. Всем прочим вход на территорию был просто-напросто запрещён.

После меня у матери родились дети, но они были квёлые и быстро помирали. Выжила сестра Нинка, моложе меня на пять лет, существо бесцветное, с противным и балованным характером. Ей было не то два, не то три года, когда она впервые увидела вылупившихся цыплят и восхитилась ими. На следующий день цыплята все до единого передохли. С этого момента и вышел приказ Нинке, а заодно и матери моей, не приближаться к огороду и хоздвору. Нарушения пресекались яростной руганью, метлой, а то и брошенным камнем. Мне она коротко объяснила, мол, глазливые, и от них один вред.

Я, конечно, понимаю, это всё дикие суеверия, но вот как объяснить то, что Нина, сама давно уже бабушка, живёт в соседнем районе много лет, и они единственные в посёлке покупают яйца, так как у них не водятся куры. Что они только ни делали. И инкубатор запускали, и квочек сажали, и больших цыплят покупали, и взрослых курей пытались развести, результат был один – в течение месяца все дохли. Смирились.

Надо сказать, что за птицей и скотиной я ухаживал с удовольствием, а вот с огородными работами бабушка переборщила, и я их крепко невзлюбил, да и по сей день терпеть не могу, хотя всё умею. Да и то – ребята на глазах гоняют мяч, а тебя заставляют руками землю для лунок рылеть и воду таскать. Как-то я попытался намекнуть бабушке на свою тяжкую долю. Для этого прочитал ей вслух газетную статью о страданиях детей в странах капитала и о зверской эксплуатации детского труда. Тогда таких статей печаталось много. Но намёк не был понят. Она пожалела «бедных деток», даже всплакнула и сказала:

– Слава богу, Родя, ты-то живешь как у Христа за пазухой.

Открытый бунт был плохим решением, в первую очередь для меня самого. Я здраво рассудил, что за всё надо платить. Работа на огороде, хоть и нелюбимая, была не так уж и трудна. Взамен я имел нечто более ценное – покровительство бабушки и исходящие из него преимущества. Да что там! Говоря по современному, это была «крыша». Экзотическая, но надежная и непробиваемая крыша. Бабушка стала моей защитницей где надо и где не надо. Она коршунном бросалась на любого, включая матушку, кто вздумал бы меня обидеть, наказать за что-то или, не дай бог, ударить. Даже если ей только мнилось, что кто-то желает учинить мне зло, то приходила в ярость, грозно и выразительно ругалась, а при сопротивлении легко переходила к рукоприкладству, невзирая на статус противника. Для этих случаев у неё под рукой всегда был любимый дрын, некогда укрощавший Бурка. Мне не раз доводилось наблюдать эту дубинку в деле, и надо заметить, бабуня умело пользовалась своим оружием, которого боялась вся округа. Согласно её понятиям, всё, что я делал, не подлежало критике, любые мои поступки и действия считались правильными и хорошими. А ругать меня имела право только бабушка, и никто другой. Да и какая это была ругань? Так, укоризненное бурчание без грубых и, боже упаси, матерных слов.

Родион Алексеевич приоткрыл окно, закурил и, помолчав, продолжил:

– Я к чему всё это рассказываю. Вовсе не из желания потрепаться о светлых годах детства, хотя оно и в самом деле было светлым, вспоминать приятно. Это чтобы вам было понятно, как складывался мой характер и из чего. Не зная этого, про меня можно думать чёрте что. Окружающие всегда видели во мне всё, что угодно, но не меня. Приписывали способности, которых у меня не было, и ждали от меня того, чего я не мог дать. А, честно говоря, я и сам сравнительно недавно понял, кто я есть. Да толку-то? Железно сказано: «Судьба человека в его характере».

Что есть характер? Некий набор врождённых качеств плюс привитые в раннем детстве стереотипы образуют своего рода психологический скелет, который со временем обрастает жизненным опытом. Этот скелет сломать, наверное, можно, а вот изменить?.. У животных

тоже имеются характеры. Основные типы – лидеры-вожаки и подчинённые. В высокоразвитых стаях есть ещё парии. В каком-то смысле характер лидера можно считать векторным, направленным, а прочие – скалярными. Человеческие характеры также исходят из этих животных типов, но разумное начало, накладываясь на них, создаёт как бы новое измерение, объёмность, где линейность, однозначность вектора расщепляется, подобно свету в призме, и проявляется в многозначности форм. Векторные характеры в большинстве проявляются с детства и руководят действиями человека. Вот говорят иногда, что человек не на своём месте, мол, попал на него случайно. Чепуха. Я уверен, что каждый человек находится там, где ему определено быть его характером. Роль случайности тут иная. Если человек родился с характером президента, то лишь случайности помешают ему занять этот пост. И он не успокоится в душе никогда, и по мере возможности будет стремиться к цели. А главное – никогда не станет рядовым исполнителем. Как правило, в характере больших и не очень начальников всегда присутствует в явном или замаскированном виде животное стремление к лидерству. Для людей с творческим вектором лидерского характера тупое стремление к власти не имеет ценности. Поэтому от века нами управляют солдафоны и карьеристы, а не философы. Творцы реализуются в самых разных сферах. Склад характера направляет человека стать композитором, художником, артистом, космонавтом, экскаваторщиком, учёным, писателем, чемпионом по шахматам или бегу.

Но большинство населения составляют рядовые исполнители, и это во благо. Именно от них зависит стабильность любого общества. Довольно трудно представить общество из одних лидеров, всеми силами рвущихся к власти и прочему. Еще Платон предлагал для благоденствия государства изгонять из него поэтов. В его словах имеется определённая логика.

Исполнителей отличает отсутствие стремления к какой-либо абстрактной цели. Он привязан к конкретности бытия. И это есть свойство характера. В нём нет того внутреннего посыла, направляющего действия для достижения чего-либо, выходящего за рамки простого жизнеобеспечения. Этот внутренний стимул не зависит ни от ума, ни от образования, то есть кандидат наук может быть исполнителем, а полуграмотный Филька Косой из подворотни лидером. Исполнитель, не имея собственных мотиваций, с удовольствием пользуется чужими и в социальной жизни комфортно устраивается, передав право решений лидерам. В быту, за неимением иного, возводит животные стимулы к питанию и размножению в ранг социальных ценностей и ревностно их исповедует. И это нормально. Хороший пример исполнителя – подкаблучник. Однако можно быть подкаблучником не только у жены, но и у начальника, и у чего угодно.

Масса исполнителей вовсе не однородна. В ней есть россыпи «спящих», людей, у которых по разным причинам творческие и прочие лидерские способности имеются, но не проявляются. Но под влиянием чего-то эти люди иногда как бы просыпаются. В один прекрасный день тихий алкаш вдруг бросает пить, плюёт на устоявшийся быт и семейные ценности и начинает строить вертолёт или уходит проповедовать какую-нибудь религию.

У меня был приятель Толя, работавший инженером на одном задрипанном предприятии. Звёзд с неба не хватал, негуляющий и непьющий, он тянул ляжку простого семейного благополучия. Но однажды я встретил его жену в растрёпанных чувствах и спросил о причине. Расплакавшись, она поведала, как накануне Толя собрал чемодан и заявил, что бросает всё – семью, работу, и начинает новую жизнь. Оставив жене и сыну дом, деньги, машину и всё нажитое, он ушел в чём был, и больше его не видели. Она не могла этого понять, ведь не было скандалов, да и других поводов не было тоже.

Спустя время, я встретил Толю на базаре в соседнем районе. На пару с дебелий молодой, которую он представил женой. Без всякого стеснения они торговали оренбургскими платками. Глаза его сияли, он явно был доволен жизнью, о чём открыто мне похвастал. У Толи открылся талант дельца. Расторговавшись, он удачно занялся финансами и сейчас владеет банком в Воронеже.

Характер и дарования не всегда совпадают. Удручает, когда явно одарённый человек не использует свой талант. Да, у него характер исполнителя. Не менее удручающее явление обратного порядка, когда балбес добивается учёных званий. С этой точки зрения графоманы, например, есть яркие творческие личности, но бедные талантом. А среди печатающейся братии полно исполнителей.

Или вот ещё печальное явление, когда рьяные родители пытаются сделать из ребёнка звезду или гения, то бишь лидера. Иногда бывают и попадания, но ведь большинство людей исполнители, и насильно делать из них лидеров занятие трудное и чаще всего безрезультатное. Это давление на формирующийся характер не всегда кончается благополучно.

Или вот, например, революционеры. Это – характер. Характер лидера, но с обратным знаком, антипод творца. У творцов характер даёт посыл к созиданию, у революционеров к разрушению. А иными они быть не могут, и причины этого в области психиатрии. Все революции, радикальные реформы и перестройки начинаются с главной фазы – разрушения существующего. Иначе это не революции. Конечно, революционеры обещают возвести потом взамен нечто совершенное, но, как правило, туманное и малопонятное. В реальности же их интересует сам процесс разрушения, который и становится целью. Когда созидатели начинают это понимать, то революционеров тихо или с треском убирают. Всё, революция пожрала своих детей. В этом плане их психология схожа с психологией пироманов. Но ведь это задержавшееся детство. Если бы хороший психолог проанализировал их поведение, то нашёл бы там немало от подростковой психологии – максимализм, скоропалительность, наивная жестокость, драчливость от неумения общаться и даже клички. Это подметил и Ленин, назвав свою известную работу «Детская болезнь левизны в коммунизме». Советская власть, сажавшая диссидентов в «жёлтые дома», действовала вполне логично. Взять того же Буковского. Боролся с советской системой. Попав в Англию, начал критиковать британскую систему. Сейчас недоволен демократической Россией. Характер. Попади он в рай, и там найдёт недостатки, достойные критики.

И, наконец, парии. Не без оснований этих людей считают бесхарактерными. Я с этим согласен. Они не лидеры и не исполнители, просто никто, но хотелось бы заметить... Генерал Лебедь однажды заметил: «Глупость – не отсутствие ума, это такой ум». По аналогии с этим, бесхарактерность есть особый тип характера. В нём нет того, что создаёт мотивационный посыл к действию, как нет и самих целей, кроме примитивного поддержания существования, ибо называть жизнью это трудно. Этот сорт людей, маргиналов, отличается цинизмом и равнодушием ко всему, в том числе и к собственной личности. Но оно идёт не от разочарования, а от изначальной пустоты, то есть у париев вообще отсутствуют человеческие разумные желания, а для удовлетворения биологических цивилизация не нужна, можно обойтись. Это и образует духовную пустоту, и диктует поведение. Что это так, можно видеть на примере отношения к алкоголю. Среди нормальных людей немало любителей приложиться к бутылке, а порой даже хороших пьяниц. Всё дело в том, что у обычных людей это лишь одно из увлечений, иной раз сильное, но никогда не главное. Но если жизнь ставит перед выбором, то нормальные люди всегда отказываются от алкоголя в пользу иных желаний и ценностей – самоизлечиваются. У маргинала-алкоголика этого выбора нет вообще. У него за душой нет того, ради чего он смог бы отказаться от спиртного. Даже если насильно его заставить соблюдать трезвость, то образ жизни он не изменит. Оставаясь в душе маргиналом, он не ударится в творчество, его не потянет к работе и не возникнет желания создать семью. А также он будет равнодушен к любой, даже ничтожной властной карьере. Когда парию просят изменить свой образ жизни, исправиться, то, как правило, звучит ответ: «А зачем?» Здесь нет философской глубины. Это искреннее непонимание. Примерно так Иоланта из одноимённой оперы не понимала, зачем ей зрение. Конечно, можно сослаться на разрушенный алкоголем мозг, но ведь полно физически здоровых и молодых отщепенцев, которые говорят «зачем». Далек не все парии обитают на вокзалах и свалках. Они рассыпаны по всем слоям общества. Вначале, благодаря поддержке

родственников, они держатся на плаву, но природа берёт своё, и рано или поздно они выпадают в осадок.

Знавал я одного бомжа-алкоголика, который в самом деле был сыном одного министра. Вначале у него было всё, но он добился того, что в конце концов его вычеркнули из списков не только живых членов семьи, но и мёртвых. Никакого сожаления по этому поводу у него не было. Наблюдая этих людишек, я сделал вывод, что их поведение формируется духовной пустотой. В массе своей они безвредны, но это не от внутреннего стремления к добру. А всякие мерзости они делают не из злонамеренности, а от непонимания общепринятых ориентиров добра и зла. Просто они никакие.

Вот жил в станице один алкоголик. Имени его люди не помнили, а звали по кличке – Ватный. Этот Ватный с детства был безразличный и к работе, и к хулиганству, а поначалу и к хмельному. Но пустота требует заполнения, а выпивка для этого в самый раз. Смолodu он даже женился, и у них родился мальчик. Наивная жена думала его перевоспитать – заставить бросить пить и пробудить у него серьёзное отношение к работе и семье. Но это продолжалось недолго. Страдающему от домашнего сухого закона Ватному был перекрыт финансовый кислород. Тогда однажды, воспользовавшись отлучкой жены, он продал своего младенца цыганам за литр водки. Баба чуть с ума не сошла, возвращая ребёнка. Тут-то у неё глаза и открылись. Без промедления она убежала от него, как от зачумленного. Ватный же не испытывал угрызений и сожалений. Он зажил удобным для него гнусным образом. Свою хату превратил в смрадный гадюшник, приют для забулдыг. Просуществовав отпущенные ему алкоголем годы, он сдох как безвредная бродячая собака. В этой истории есть штришок. Сын Ватного, тот самый, оказался с головой и характером. Вырос, выучился и занял немалую должность в столице. Как-то, будучи у матери в гостях, он решил взглянуть на биологического отца. Надо думать из чистого любопытства. Дело было во времена горбачёвского полусухого закона, но он, человек небедный, прихватил с собой три бутылки водки в подарок. Знал, к кому идёт. Пришёл по адресу вечером, но Ватный его не узнал и укрыл матом. Тот плюнул и ушёл. Когда Ватному рассказали о том, кто к нему приходил и с чем, он расплакался. Вытирая слезы, он приговаривал: «Да почему ж он не сказал, что принёс три бутылки. За водочку я б ему и ботинки вылизал». Тут можно сказать, что я привёл в пример редкого урода. Вовсе нет. Это обычный рядовой член данного сословия в его, так сказать, незамутнённом виде.

На эту тему у меня бывают крамольные мысли. Вот за каким чёртом лечат наркоманов? Ведь в этом нет смысла, потому что они за редким исключением парии. Это самохотная болезнь, как выражались во времена Петра первого. Наркоман идёт к врачам для того, чтобы снизить дозу, а не завязать. Наркомания всего лишь симптом пустой души, и священники поступают гораздо логичнее, пытаясь повлиять на причину. Разве могут уколы и гемодиализ изменить характер? Да ни в жизнь! А нормальный человек, случайно попавший в эту трясиину, выберется оттуда своей волей.

Если трезво посмотреть на вещи, то не трудно понять, что наркомания и наркомафия порождены законодательными полужапретами. По закону нельзя, а с другой стороны, как бы и можно. Россия – страна полужапретов. Личное оружие, самооборона – да куда ни глянь. Это унижает личность и делает её реально несвободной. Система полужапретов много хуже полного запрета или его отсутствия. Плюс ориентация на европейский псевдогуманизм, который только внешне похож на гуманизм, а копнёшь...

На ум приходит опыт некоторых азиатских стран, где наркоторговлю подавляют драконовскими методами. Тоже вариант, но это всего лишь удержание уровня. Искоренить явление таким способом практически невозможно. На мой взгляд, гораздо эффективнее обратный подход – снятие всех запретов. Кое-где это существует, например, в Амстердаме. Но эти полумеры есть проявление псевдогуманизма, когда права социальных отбросов ставятся выше интересов нормальных граждан. Политика в этом вопросе должна быть активной. То есть государство

должно взять в свои руки производство и распределение тяжёлых наркотиков и выдавать всем нуждающимся без ограничений. Желательно бесплатно, как это происходит с инсулином. Это еретическое предложение имеет много плюсов как морального, так и социально-экономического характера. Обанкротится и исчезнет незаконный наркобизнес, а также связанные с ним преступления. Прекратится вовлечение молодёжи в наркоманию, так как происходит оно не по злобе, а ради прибыли. Не будет воровства, грабежей и убийств, совершаемых наркоманами ради дозы. Для населения эта свобода большого значения иметь не будет, ведь нормальному человеку дорогостоящий или бесплатный порошок одинаково без надобности. Примерно так для здорового человека инсулин не имеет ценности. Но чтобы эта политика сработала, необходимо условие – употребляющих зелье следует признать недееспособными и тем самым ограничить в правах. Запрет на участие в выборах и на вступление в брак вряд ли вызовет у наркоманов протест, а для общества это важно. Обозначится наглядная граница. Молодёжь увидит в них париев, больных неудачников, а не героев и бунтарей. И в этом настоящий гуманизм – дать каждому желаемое с наименьшим ущербом интересам общества. У крыс тоже имеются парии, так они их используют для дегустации пищи на предмет отравы. Ну, а кто соблазнится существованием в наркотическом **зазеркалье**, значит, туда ему и дорога. Верно сказано у Ницше: «Падающего подтолкни».

Они ехали уже по Кущёвской. Родион Алексеевич прервал лекцию, свернул к заправке и стал в очередь машин. *Вера Максимовна* заметила:

– Сейчас заправочных станций много, мы даже проехали мимо пустой, так зачем же стоять в очереди?

Родион Алексеевич усмехнулся:

– Где мухи, там жизнь, как сказал грузин из анекдота. Местный житель давно вычислил место, где без обмана. А за хорошим товаром постоять не грех.

Когда они снова поехали, *Вера Максимовна* не выдержала:

– Родион Алексеевич, у вас нестандартная теория психологии характера, в каком-то геометрическом аспекте.

– Я понимаю. Всё это выглядит дилетантски, но я никому не навязываю свои взгляды. Это, так сказать, для внутреннего употребления. И знаете, в реальности всё подтверждается.

– А как вы себя самого определяете по вашей системе?

– Ну, однозначно ответить трудно. Посторонний человек определил бы меня как рядового исполнителя, да таковым, честно говоря, я и был. Однако всю жизнь я ощущал в себе некие лидерские задатки, но весьма неопределённые. Наверное, это было заметно, потому что, сколько себя помню, на меня всегда пытались навесить ответственность и продвинуть на должность в самых разных сферах деятельности. Будь у меня хоть немного честолюбия, то я наверняка сделал бы успешную карьеру. И неважно где. С равным успехом я мог выдвинуться на производстве, на службе, в творчестве или в политике. Перспективы были везде. Но я предпочёл личную свободу. Вначале интуитивно, а затем сознательно я придерживался некоего принципа, определяющего суть этой свободы. Не так давно я прочитал в книге Аркадия Арканова его определение свободы. Точно не процитирую, но суть в следующем – истинная свобода по Арканову выражается формулой: «Чего не хочу, того не делаю», а не формулой: «Что хочу, то и делаю». Мне показалось, что эти слова у меня украли, так как я всегда старался придерживаться именно этого принципа.

Смолоду я не знал своего призвания, а потому плыл по течению, занимаясь всяким ремеслом, которое по возможности не вызывало отвращения. Но знал точно, чего я не хотел. Куда меня только ни манили? Даже в шахматные гроссмейстеры, но мне этого не хотелось, грозило погружением в трясины узкой специализации. А ведь это есть гнусная форма рабства, когда человек добровольно занимается нелюбимым делом. И я всячески отлынивал и увиливал от якобы заманчивых путей. Своё призвание я понял поздно, но, слава богу, что это

произошло вообще. Должен заметить, что умение сказать «нет» – очень непростая наука. В этом деле я уже достиг немало, но не уверен, что всего.

В личном плане на мой характер, безусловно, повлияли некоторые врождённые данности. Горько сознавать, но никуда не денешься от правды: мой характер формировался не столько наличием, сколько отсутствием некоторых личностных качеств. Хотя иногда возникает сомнение: отсутствие ли это, недостаток или просто иное состояние? Имеется в виду воображение. Не скажу, что я был начисто его лишён, оно имелось и в некоторых направлениях хорошо развито. И в то же время оно было каким-то механически-линейным. Я был умным, но у меня не было того, что называется гибкостью ума. А гибкость ума в конкретности исходит из гибкости воображения, которой я вначале не обладал. Из-за этого моё эстетически-чувственное восприятие мира было каким-то урезанным, что порождало не очень приятные следствия.

Вот, к примеру – рисовать я не умею и в картинах разбираюсь неважно, но в чтении и изготовлении всяких чертежей и схем силён. Но это полбеды. Я долго не понимал пословиц, иносказаний и аллегорий. Бабушка Фрося знала чудовищное количество пословиц и поговорок, но я воспринимал их как не имеющие смысла словесные формулы – присловья-присказки. Из-за своего прямолинейного восприятия я потерпел немало насмешек и неприятностей. Из него же происходит мой педантизм. Он не от воспитания и дисциплины, а, похоже, родился со мной. Даже сейчас я от него до конца не избавился, наверное, это невозможно. Формы, конечно, уже не те, но нечто сохранилось. Где-то в восьмидесятых работал я в одном колхозе и педантичным отношением к делу возбудил к себе лютую ненависть целого трудового коллектива – от рядовых до начальства. В их воспоминаниях я стал эпохой, время делилось до меня и после меня.

Есть ещё следствие, вроде бы и незначительное, но оказавшее определённое влияние. Это крайне слабое религиозное сознание, если не его отсутствие. Подавляющее большинство людей обладают религиозным сознанием. Область религиозного сознания – вера. Вера – эмоциональное состояние, независимое от разума. Разум может влиять только на формы, направления, объекты и субъекты веры, но не на саму систему. Для религиозного сознания безразлично, во что верит человек: в бога или квантовую механику. Или не верит. Неверие имеет ту же эмоциональную основу, что и вера, и те же свойства. Это та же вера, но с обратным знаком. Иначе говоря, если можно верить в абстракции – науку, бога или в конкретные объекты – человека, предмет, то с тем же напряжением можно во всё это не верить. И как есть фанатики веры, так имеются фанатики неверия, которых, кстати, куда больше. Я каким-то образом оказался в стороне от веры и неверия. Это как-то сказалось и поначалу даже приводило к курьёзам. Сразу и не объяснить. К примеру, читаю некий труд и соглашаюсь с автором. Потом на эту же тему читаю другого автора, опровергающего первого, и... тоже с ним соглашаюсь. Это сильно меня удручало. Со временем я понял, что на самом деле я не верил никому, а соглашался с предпосылками, а не концепциями. Впрочем, неприятностей это не приносит, лишь изредка в некоторых вопросах бывает взаимонепонимание, но я не иду на принцип, и всё входит в колею. Спорить с инстинктом нет смысла.

Всё это, видимо, сказалось и на так называемом «чувстве юмора», восприятию смешного. Я понимаю «соль» анекдотов, но далеко не всегда эта «соль» мне кажется смешной. Что делать? Постепенно привык. Привыкают же люди к американскому юмору, и закадровый смех перестаёт раздражать как вначале, хотя и не смешит.

Пока я был маленький, то на общем фоне не выделялся. Но, подрастая, стал замечать подковырки и насмешки сверстников. Граница, конечно, была, За откровенные издёвки я запросто мог дать по сопатке, но это был не тот путь. Я начал всерьёз работать над собой и учиться тому, чего не дала мне природа. За дело взялся основательно – перерыл доступные библиотеки в поисках толковых словарей, пособий и прочей литературы. Не стеснялся спрашивать и учился у всех, порой даже у бывших зеков. Любил беседы с пожилыми людьми. Обычные школьные

предметы давались мне очень легко, по иным дисциплинам я и учебников не заводил. Зато эстетическое восприятие учил так, как иные учили физику и химию. Не поверите – одно время я корчил рожи у зеркала и учился врать. Правда, толку из этого не вышло.

Продолжалось это несколько лет, но старание принесло плоды, и постепенно, годам к шестнадцати я стал обычным нормальным человеком. Полной победы не было, пробелы остались, кое-что осилить не удалось, но на общий уровень это уже не влияло, и жить не мешало.

Например, музыка. Несмотря на старание и прилежание, я остался музыкальным балбесом. Научиться чувствовать красоту музыки оказалось труднее, чем штудировать словари, и я застрял где-то на уровне «Ой мороз, мороз» и «Гоп со смычком». Между тем, у меня приличный музыкальный слух, что зафиксировано скрипачом профессионалом, на пенсии подрабатывавшим учителем пения в нашей школе. К делу я подошёл серьёзно и основательно. Начал с консультаций у этого преподавателя и строго следовал его рекомендациям, даже пел в школьном хоре, правда недолго. Человек он был добрый и пытался искренне помочь, но что-то не клеилось. Сокрушенно вздыхая, он, бывало, говорил:

– Деревянный ты, Родион. Вот есть художник, а есть фотограф, так ты в музыке фотограф, внешнее схватываешь. Память у тебя хорошая, и слух имеется, ты даже можешь научиться играть на чём-нибудь, но играть ты будешь механически, попугайски, без души.

– А что же делать?

– Слушай классическую музыку, да любую, впрочем. Много слушай, возможно, понимание пробудится и почувствуешь.

Источников настоящей музыки было не густо. Радиопередачи и музыкальные фильмы я старался не пропускать, но самым доступным и простым средством оказались грампластинки. И всякими путями я начал из них создавать свой фонд. В ту пору у народа этого добра было навалом. Стоили пластинки недорого, и их частенько выписывали целыми партиями через посылторг. Я их выменивал у знакомых ребят на резину для рогаток, пули, порох и прочий дефицит. Вот диалог моих приятелей:

– Привет, Юрка!

– Здорово, Мерин.

– Слушай, у тебя дома пластинки есть?

– Имеются.

– Много?

– Да. Немало всяких.

– Так, может, там есть этот... Бrameц, нет, Брамс?

– Не знаю. А чё это? Танец?

– Нет, это человек. Композитор. Класный, нет, классический. Сходи домой, посмотри.

– А зачем он тебе?

– Да это не мне. Это Родьке. Он пообещал мне за этого Брамса новый отражатель на «Даймона». У него уже много этих, классических. А какие у них фамилии чудные! Хочешь – верь, хочешь – нет, но сам читал. Только подумай – Мусорский. Ну, Глинка и Сметана еще куда ни шло, так есть Страус, Глюк, Бах, а один так совсем Глист. Или Лист? Не, наверно, Глист. Вон по Кирова Червяковы живут, фамилия понятная, а что за фамилия Лист? Таких и не бывает.

– Много ты понимаешь, какие фамилии бывают. Если б я тебя не знал, то тоже подумал бы, что не бывает фамилии Мерин.

– Тут особый случай, потому что моя фамилия искусственная.

– Это как?

– Да вот так. Дед мой старый ещё при царе жил. Он мне и рассказал про этот дурацкий случай. Все наши предки от века были Тюрины. А когда дед паспорт выправлял, то у писаря с похмелья буквы в глазах мельтешили, вот он их и перепутал, и вместо Тюрин получился Мерин. Ошибку заметили, и на другой день дед пошёл к нему и попросил исправить. Писарь

сказал, что документ исправлять не положено, а за новый запросил три рубля. Деньги по тем временам немалые, и дед пожадничал. А теперь из-за тех зажиленных трёх рублей мы все стали Мериными.

– Подожди, а у тебя самого разве дома нет пластинок?

– Есть, только к ним доступа нету. Как-то я набрал их штук двадцать, и мы с Колей Чернопузом стали на выгоне эти пластинки запускать – кто дальше. Красиво летают. А мать застучала, палки дала и заперла пластинки под замок.

– А Родиону-то они зачем? Тоже запускать? Так не всё равно ему – Брамс это или кто другой?

– Да не, он их слушает.

– Во, дела! А зачем?

– А кто его знает? Это ж Родион! Я видел, как он крутился возле учителя пения. Наверное, хочет выучиться на скрипке. А сейчас того... вникает.

– Так, может, он не только Брамсом интересуется?

– Конечно. Неси что есть, он всё подряд возьмёт.

– Слушай, а может, он и на марки будет меняться? У него классные имеются.

– Наверно, будет. У него сейчас пластинки на первом месте.

– Ну, тогда я побежал за ними, пока он не передумал.

– Подожди, Юрка, если Брамс попадётся, то отдай мне. Я за него старую монету отдам.

– Ладно.

И я действительно вникал, вернее, пытался вникнуть в музыку. Изнывал перед проигрывателем, а для более полного погружения читал биографии композиторов и прочие сведения о музыкальной культуре. Но, увы, количество не перешло в качество. Чувство не пробудилось. Тем не менее, усилия дали свои плоды, правда, в неожиданном направлении. Незаметно для себя я вовлёкся и стал коллекционером грампластинок и прочего в этой области. Сейчас в моей скромной коллекции около четырёх тысяч самых разных пластинок и дисков, не считая соответствующей проигрывающей аппаратуры.

Видимо из-за недоступности содержания, я увлёкся формой. То есть, пластинки я собираю примерно так, как филателисты собирают марки. Для меня оригинальный конверт имеет не меньшую ценность, чем вложенная в него пластинка. За многие годы я приобрёл некоторую известность среди подобных мне любителей, а их не так уж и мало. В связи с этим увлечением я поневоле стал музыкальным эрудитом. В моей памяти отложились имена авторов и исполнителей многих лет, а также их произведения. Всё это создало мне славу авторитетного меломана. Да, на слух я легко отличаю романс от баллады, Моцарта от Дебюсси, «Смоки» от «Бич Бойз», но досуг предпочитаю проводить в тишине.

Однако врать не буду. Я всё-таки не полный эстетический ноль в музыке. Есть произведения, в основном лёгкого жанра, и исполнители, которые мне нравятся. Правда, есть понимание, что приятны они моему слуху не сами по себе, а по ассоциации. Ну, вот, представьте – приглашаешь девушку в кино и в полутьме зала как бы смотришь его. А потом как бы невзначай берёшь девушку за руку и гладишь её. Девушка от волнения деревенеет, и это волнение передаётся тебе. Выпучив глаза на экран, она сопит, но руки не отнимает, что без слов говорит о многом. Ногу, которую ты начинаешь поглаживать, она тоже не отдёргивает, что говорит о многом ещё больше. А в это время с экрана звучит песенка о медведях с глупейшим текстом.

Пройдёт время, лицо и имя девушки могут забыться, но память чувств сохранится, а песня, даже случайно связанная с этими чувствами, всегда будет звучать приятно для души.

Или, скажем, иной вариант. Все танцуют под модный шлягер, а в кустах, возле танцплощадки вам в это время бьют морду по полной программе. Вряд ли в будущем этот шлягер войдёт в число ваших любимых произведений. Скорее, наоборот.

Мой моральный облик возник из разных источников. Нравственные принципы сложились под влиянием улично-полузековских понятий, наставлений учителей, прочитанных книг, увещеваний бабушки Фроси и христианских заповедей, которыми меня потчевала бабушка Нюра, сестра бабушки Фроси. Она была грамотна и имела немало священных книг. Под её началом я выучил церковнославянский и некоторые тексты из Евангелия, а также, с её подачи, чуть ли не до шестого класса верил в бога и посещал церковь.

Тем не менее, мои принципы не являются строго христианскими. К некоторым правонарушениям я отношусь либерально и не люблю подставлять правую щёку хулиганам. Но некоторые общепринятые принципы соблюдаются мною пуритански строго.

Тем временем вдали показался Батайск. Родион Алексеевич продолжал:

– Что ещё? Моё положение в коллективе. Этаким середнячок. Вперёд не лез, но и в задних рядах не числился. В больших хребтах не ходил, но и откровенным трусом не был. Честно говоря, иной раз случалось и дрейфить, но когда обстоятельства не оставляли выбора, то приходилось проявлять доблесть. Имея миролюбивый нрав, я первым никогда не задирался, но на сдачу не скупился. Умел хранить секреты, что обеспечивало немало друзей, но дело не только в этом. Я считался своим пацаном, но несколько туповатым, из тех, до кого доходит как до жирафа или вообще не доходит. А простачков всегда любят больше, чем тех, кто умнее. Вот меня и любили за бесхитрость и неумение подставить ножку. С годами житейский опыт накапливался, я становился всё менее откровенным, и от бывшего недотёпы во мне почти ничего не осталось. Со стороны окружающих отношение ко мне тоже изменилось, причём во многих случаях в худшую сторону, а кое-кто и сейчас держит меня за мошенника или даже злодея.

Силушкой меня бог не обидел, но я ею не хвастал. Были ребята и поздравее. Как и многие мои ровесники, уже лет в десять я уверенно управлялся с молотком, топором, пилой, стамеской и прочим инструментом, не говоря о сельхозорудиях. Ремонтировал велосипед и другие домашние предметы, включая электроприборы. А также грамотно управлялся с отцовской двустволкой, умел собирать её, чистить, набивать патроны, заряжать и прилично стрелять. Уникального в этом ничего не было, многие ребята обладали подобными умениями. Стыдно было не уметь.

Способность укрощать и приручать животных тоже не считалась чем-то выдающимся. Некоторые ребята тоже могли кое-что в этом деле, хотя мой диапазон был несколько шире. Один мой приятель, Вовка Ярко, умел ловко обращаться со свиньями. Впоследствии он стал удачливым вором свинокрадом. Свинья – чуткое животное с очень пронзительным визгом, слышным за километр. Украсть без шума поросёнка, чтобы он не пикнул, это целое искусство. Как-то раз я даже сходил с ним на дело, как вы понимаете, не из корысти, а из любопытства.

Впрочем, я и сам не считал своё умение чем-то особенным. Человек судит по себе, а потому я полагал, что и другие тоже на это способны, но не делают этого из лени, а чаще всего из-за банального страха перед животными. Тогда я ещё не знал, что страх имеет запах.

Вот, Вера Максимовна, можно сказать исходные данные в общем виде я вам изложил. Понимаю, что без описания конкретных случаев они мало дают, но мы, считай, приехали. По городу колесить я не хочу, а домой вам проще добраться на городском транспорте. На въезде в город высажу вас на остановке, да и двину к себе.

Когда они остановились, Вера Максимовна не стала вылезать из машины и спросила:

– У вас есть немного времени? Хотелось бы задать пару вопросов.

– Да ради бога!

– Вот эти ваши способности, они что, с возрастом исчезли?

– С чего бы? Нет. Всё при мне, куда им деваться? Применять особо не на чем. Образ жизни не тот.

– А, вот, скажите, как-то развивать эти способности вы пробовали?

– Вера Максимовна, похоже, вы плохо представляете то, о чём идёт речь. Качество либо проявляется, либо нет, развивать его невозможно. Ваш вопрос несколько нелеп, это как если бы вы спросили о возможности развития папиллярных узоров или формы ногтей. Куда и зачем?

Она не очень поняла логику ответа, но спросила:

– А вы не пробовали своё воздействие на людях?

Он помолчал, а затем она впервые услышала его негромкий смех:

– Вот вы о чём. Я понял. Нет, я не могу воздействовать на людей так же, как на животных. В этом плане человек отличается от животных сильнее, чем вы думаете. Сознание животных крайне примитивно и открыто. Моё воздействие только внешне кажется властью над ними, это скорее некий канал понимания. Общение идёт на низком уровне, уровне эмоций или чего-то близкого к ним. Я и сам не могу объяснить, как это происходит. Чувства и ощущения на логос непереводимы, их нельзя разумно объяснить.

Сознание человека качественно иное и в этой сфере закрыто, во всяком случае для меня. Вот вам пример – я хорошо плаваю, возможно, от рождения. Во всяком случае, я не помню, когда этому учился. Движения отточены до автоматизма, и, находясь в воде, я о них не думаю. Но все эти навыки и автоматизм движений абсолютно бесполезны в иной сфере деятельности. Например, в игре на гармошке.

Способности мои находятся в довольно узкой области. Я не экстрасенс, не телепат и не волшебник. Моё общение с людьми идёт обычным образом. Мне не интересна власть над людьми, и, честно говоря, я больше стараюсь избежать власти других над собой. Но всё равно, время от времени кто-то пытается мной манипулировать. Иногда успешно, но всё реже – опыт-то накапливается.

Мне, конечно, приходилось и людей укрощать. Редко, но бывало, и не только кулаком в ухо, но и, так сказать, вербально. Но это всегда было воздействие на сознание, то есть не так, как это происходит с животными. Хотя. Хотя, если честно признаться, то были случаи, которые трудно объяснить воздействием обычной ругани, угрожающих взглядов и поз. Возможно, это было спонтанное проявление направленной суггестии, возможно, ещё что-то, но оно действовало. Я чувствовал это по изменению своего состояния, своеобразному внутреннему напряжению. Но сознательно, по желанию я это состояние вызвать не могу. Лишь когда обстоятельства вынуждают, оно возникает как проявление стресса. Слава богу, что это бывает очень редко.

– И последний вопрос: встречаемся через два месяца опять неведомо где?

– Да.

– А вдруг, подчёркиваю, вдруг какая-то случайность помешает встрече? Болезнь или ещё что? Разве кто застрахован от всего?

– Ну, Вера Максимовна, с вами-то уж точно ничего не произойдёт, а я действительно не застрахован. В таком случае вместо меня будет вестник.

– Какой такой вестник?

– Откуда я знаю? Да любой носитель информации – радио, телевизор, но это маловероятно, я личность незначительная. Газета, журнал – шансов больше, но ненамного. Скорее всего, это будет человек. Да вы сразу поймёте, что это вестник.

На этом они распрощались и разъехались по домам.

Домой Вера Максимовна попала вовремя, даже с учётом попутного захода в магазин. Переодевшись, она села и тупо уставилась в окно. Мыслей не было, а голова как будто была набита ватой. Похоже, Родион Алексеевич её перегрузил. Не лишённый логики бред, органично перемешанный с правдой и приправленный псевдонаучным апломбом, угнетал и сбивал с толку. И непонятно было, что со всем этим делать. И вообще – зачем это ей?

Тут появилась жизнерадостная Даша и занялась приготовлением кофе. Когда сели за стол, Даша обеспокоено спросила:

– Мама, с тобой все в порядке? Какая-то ты не в себе.

– Ничего, пройдёт.

– Всё равно что-то не так. На работе?

Пришлось Вере Максимовне рассказать о встрече с Коноваловым. Даша удивилась стечению обстоятельств и попросила рассказать подробнее. Тут она вспомнила про диктофон, достала его и предложила Даше послушать. Даша как-то недоверчиво прослушала голос Родиона Алексеевича, выключила аппарат и погрузилась в молчание. Выглядела она несколько растерянной. Помолчав, сказала:

– Как странно. Получается, что этот человек реально существует.

– У тебя были сомнения в его реальности?

– Любой засомневается, пока не пощупает. А ты на моём месте?

– Пожалуй, да.

– Знаешь, мама, я рассказала эту историю ребятам, и шутка шуткой, они надумали организовать нечто вроде Фан-клуба Родиона Алексеевича. Решили, что это будет персонаж вроде Козьмы Пруткова, только в другом стиле, а теперь даже и не знаю. Ну, представь – творцы литературного персонажа однажды встречаются живого Козьму Пруткова.

– А что вы обсуждаете в своём этом клубе?

– Фантазируем. На основе этих случайностей придумываем варианты биографии и всё такое. Стараемся посмешней и почудней.

– Эх, Даша! Думается мне, что реальная жизнь этого человека куда занятней всех ваших фантазий.

– Да, мама. Удивлю я ребят.

– А кто они?

– Нас немного. Мой Андрей, дружок его долговязый Сергей с девушкой своей, да Ботаник. Это кличка. Юра умный, но застенчивый и деликатно воспитанный. Очкарик интеллигентный невесть в каком поколении. С виду вылитый Ботаник и есть. И фамилия у него в тему – Ботанцов.

– А почему он к вам прилепился?

– Кто знает? Возможно потому, что мы водку не пьём и его не заставляем. Паренёк он хороший, порядочный, и я сильно подозреваю, что он неравнодушен к Лизавете. Я ей как-то намекнула, а она только посмеялась.

Встреча пятая

На самом деле личной встречи не было. Произошла встреча с вестником. Этим вестником оказались две женщины возле магазина, куда Вера Максимовна зашла прикупить кое-что из продуктов. Выйдя из магазина, она встала недалеко от входа в раздумьях – не забыла ли купить ещё что-нибудь? В этот момент буквально в двух метрах от неё встретились явно знакомые женщины средних лет. Хорошо одетые солидные дамы выглядели прилично, но всё равно в их облике проглядывало что-то провинциальное. Обрадовавшись встрече, они разговорились:

– Ой, Марковна, где увиделись!

– Здравствуй, Наталья! А ты откуда?

– Была в больнице. Теперь зайду кой-куда и домой, в станицу.

– На автобусе?

– Ага.

– На каком?

– Да на любом. Через нашу Камчатскую все идут.

– Это так. А я вот дочку проведывала, харчей подвезла. Учится в колледже. А мне не повезло. Обещал Родион подбросить на своей машине, да что-то на ней сломалось, так пришлось на автобусе добираться. Вот я и припозднилась.

– Какой Родион?

– Коновалов, в соседнем доме живёт. Не знаешь такого? Хороший мужчина, уважительный и непьющий. Неразговорчивый только.

– Как не знать? Знаю. Так он в соседях у тебя?

– Да.

– Вот как. Давненько я его не видела. Тихий, говоришь? Плохо ты его знаешь. В тихом омуте знаешь кто живёт?

– Да ты что? На него и не подумаешь.

– Остепенился, наверное. Я ведь его ещё молодым помню.

– Озорвал?

– Да так прямо и не скажешь, не буйствовал и не хулиганил. Скорее уж наоборот, спокойный и рассудительный был, а только держаться от него нужно было подальше. Сестра моя старшая, Марина, за малым от него с ума не съехала.

– Ничего себе! А почему?

– Не знаю, какой он сейчас, а смолodu был...

– Что?

– Я тогда маленькая было, но помню его хорошо – красивый он был, такой, знаешь, как комсомолец на плакате. Где уж Маринка с ним познакомилась, не знаю, но поплыла она основательно. Подруги ей завидуют, а она хвастает – Родя то, Родя сё, он и в технике, он и в музыке. А потом раз – и всё. Накануне они договорились встретиться вечером, а днём Марина пошла зачем-то до подруги. А идти надо было мимо церкви. Ну вот, идёт она, а возле входа в церкву люди стоят и батюшка. Подошла ближе, глянула, а батюшка и есть её Родион. Она от удивления рот открыла и застолбенела. Он в облачении, людям что-то говорит, увидел Марину и ей тоже сказал с каким-то вывертом – мол, ты, отроковица Марина, глаза не выпучивай, а иди домой да займись работой. И ещё по писанию что-то добавил про Сады Эдемские и про плевелы. Потом повернулся и пошёл в церковь.

Она и отправилась по указанному адресу, как под гипнозом. Пришла домой, села, уставилась в стенку и не шелохнётся, сама не своя. Так до вечера и молчала. Родители забегались, хотели уже в больницу везти, но, слава богу, к вечеру отошла. Спросила: «Что такое плевелы и отроковица?», и, не евши, спать легла. Рано утром встала и начала полы мыть, что при её лен-

тяйстве испугало. Собралась огород полоть. Мать с трудом заставила её позавтракать, а потом всё-таки разговорилась. Когда выяснилось, с чего пошло, мать кинулась в церковь. Только там был другой батюшка, который её прогнал и разговаривать не стал.

– Так, может, ей всё это померещилось?

– Ага! И ещё полусотне человек. Но это всё ерунда по сравнению с тем, что узнала мать, когда стала расспрашивать про этого Родиона.

– И что?

– А то, что он...

Тут она нагнулась к уху собеседницы, и конца фразы Вера Максимовна не услышала. Зато женщина, которая услышала, отпрянула и перекрестилась. Вид у неё был потрясенный.

– Батюшки святы! Да не может такого быть! Страсть господня!

Та, которую звали Наталья, усмехнулась и сказала:

– Да, история тёмная, но учти – бабка у него была ведьмой. Настоящей ведьмой, сейчас таких нет, одни шарлатаны. Её даже милиция боялась. Спроси любого, кто на том краю жил. Я и сама её видела не раз, и ворону, служанку её тоже видела. Бабке лет сто, наверное, было. Идёт она на кладбище, да иной раз как зыркнет на тебя глазищами, так аж пятки каменеют, а ворона над ней летает, сопровождает, значит. Мы подсматривали, как она присядет у могилки на лавочку и что-то бормочет, а ворона сидит на кресте и каркает – как будто разговаривают. Ужас.

– Ну, а с Мариной-то, что?

– Изменилась после этого Марина. Перестала на танцы ходить, всё по дому стала делать, а готовить выучилась так, что пальчики оближешь. А вот, невесёлая. Тогда мама от греха подальше отвезла её в город и устроила учиться на ветфельдшера. А там она где-то встретила семинариста и давай его выспрашивать про Сады Эдема. Ну, и довыспрашивалась. Вышла замуж за него. Теперь она попадья, кучу детей нарожала, а живут на Урале.

– А что в этом плохого? Нормально живут?

– В общем, да. Хорошо. Получше меня. Только я голову наотрез даю, если б этот Родион ей не встретился, то у неё была бы совсем другая жизнь. Сто процентов.

– Ох, и наговорила ты мне, Наталья, теперь со страху спать не буду.

– Не переживай, ведь это было давно. Сейчас-то всё уже по-другому. Успокойся.

– Ага, успокойся теперь. Сама-то как? Болееешь?

– Сейчас уже ничего. Назначено через два месяца...

Больше ничего не было слышно, женщины отошли в сторону и вскоре расстались. А Вера Максимовна ещё долго стояла, обдумывая последнюю фразу. Стало казаться, что она была предназначена именно ей. Вере Максимовне сделалось не по себе.

По возвращении домой, она некоторое время сидела, привыкая к услышанному. Попыталась что-то делать, но ничего не клеилось. Не выдержала и позвонила Даше:

– Как там ваш клуб?

– Нормально, а что? Есть новости? Видела Родиона Алексеевича?

– Не видела. Но было другое предсказанное им чудо. Был вестник.

– Какой такой вестник?

Она всё рассказала. Даша воскликнула:

– Убиться веником! Ну и ну! Ты, мама, правду сказала, что фантазия бессильна против реальности. Ох, и удивлю ребят завтра.

– Знаешь, Даша, теперь та баба будет плохо спать от страха, а я от любопытства.

Встреча шестая

Январь был тёплым. После новогодних праздников люди выглядели вялыми. Кроме начальника Веры Максимовны. Утром он вызвал её и бодрым голосом сказал:

– Собирайся! Мой так называемый секретарь-референт заболела, и ты поедешь со мной вместо неё.

Они отправились в путь на испытанной рабочей «Волге» с водителем Мишей за рулём. Уже сидя в машине, она спросила:

– Олег Михайлович, а куда мы, собственно, едем?

– В станицу Камчатскую. Вроде как на разведку. Один добрый человек сказал мне, что там, на местной швейной фабрике имеются две установки пластмассового литья, неведомо как туда попавшие и совершенно им ненужные. А нам необходимые. Попробуем договориться. За деньги или ещё как. Вообще-то раскатывать по районам мне не полагается, но главный инженер в больнице, а зам по снабжению в отпуске. Телефонные переговоры почему-то буксуют.

Вера Максимовна тут же вспомнила о назначенной через два месяца встрече. Её даже охватил странный азарт – если она состоится, то где и как?

Олег Михайлович находился в благодушном настроении и неожиданно ударился в сентиментальные воспоминания, что было для него нехарактерно:

– Да, Вера Максимовна, довелось мне однажды побывать в этой станице, но случай этот я не забуду. С него, собственно, и началась моя карьера начальника производства. Это происходило давно, где-то в конце семидесятых. Я ещё был молодой, и многое воспринимал совсем не так, как сейчас. Любопытное было время, позже его назовут «застой». Да, сейчас, в перспективе истории, на происходящее тогда я смотрю иначе и понимаю многие моменты в тех процессах, а в ту пору...

Застой действительно был, только он был не в обществе, это было внутрипартийное явление, идейный кризис. А его и не могло не быть. Он заложен в самом фундаменте идеологии коммунизма. Ведь коммунизм, в сущности, есть религия. Но эта религия особенная, она основана на отрицании. Отрицании любого общественного устройства, как несправедливого, так и нормального. То есть коммунисты, по сути, есть перманентные разрушители любого существующего порядка во имя воображаемых химер.

Наилучшая среда для них – войны и революции. А вот мирное течение дел, размеренное обывание для них смерти подобно. Они при этом становятся лишним и абсолютно ненужным элементом в системе. Почему? Дело в том, что партия являет собой власть над властью. Эта власть может быть огромной, но она фантомная. Общество, как живая система, постоянно самоорганизуется, но каковы бы ни были формы организации, всё сводится к системе производителей-исполнителей и организаторов-управителей. Вот эти управители и есть реальная власть, поскольку прямо и конкретно влияют на экономические процессы и общественные связи, непосредственно руководят функционированием, а под каким соусом и названием уже неважно.

Партия может влиять на дела только опосредованно, задавая общее направление и благословляя людей, то есть чисто религиозными методами. Да, она в силах менять руководителей и даже их расстреливать, но обойтись без них не может, а потому зависима от них. И рано или поздно реальная власть явно или замаскированно занимает отведённое ей природой общества место, а фантомная власть либо рассеивается, либо занимает свою социальную нишу, вроде церкви.

Действительно, российский царизм и капитализм были несправедливым и социально отсталым строем. Уничтожили его. Установили Советскую власть и уничтожили её врагов. Всё, задача выполнена, можно бы и самораспуститься, а вот дудки! Этаким эффективным механизм

на свалку? Но он функционирует только против врагов. А если их нет? Тогда можно назначить. И пошло. А тут ещё внешний враг подвалил. Победа над фашизмом подняла авторитет партии неимоверно.

А вот за тридцать послевоенных мирных лет партия сдохла, кончилась, внутренне рассеялась. Осталась оболочка, структурная форма. К экономике, конкретным производственным процессам крайне трудно прилепить идеологию, она из другой сферы. Земля пашется, урожай снимается, металл плавится, лаборатории исследуют, дома строятся. Всё идёт заведённым порядком, и с какого боку здесь коммунисты и коммунизм? Люди женятся, рожают детей, работают, веселятся и при этом совершенно не нуждаются в партийном контроле. В мирное время партия просто осталась без дела. Общественное состояние было вполне благополучно, не было безработицы, организованной преступности и наркомании. Реальных врагов советской власти тоже не было, за исключением жалкой кучки далёких от народа диссидентов, да и тех, похоже, держали на развод, чтобы оправдать финансирование органов. Что оставалось? Правильно. Имитация деятельности, иначе возникают нехорошие вопросы. А как это делать? Да очень просто. Обычным производственным процессам придавать идеологическое напряжение. И придавали, используя в основном военную терминологию – «Битва за урожай», «В авангарде науки», «Вести идеологического фронта», «Техника на марше» и тому подобное.

Часто это расходилось с обычным здравым смыслом – «Любой ценой перевыполним план». Ну, зачем составлять план, который необходимо перевыполнять? Тем более что перепроизводство в экономике приносит вреда не меньше, чем дефицит. Завалили страну металлоломом и прочими отходами. Вообще, любое вмешательство партии в дела вносило хаос. Поначалу они, пока были в силе, могли закрывать целые научные направления, но с течением времени всё больше стали работать по мелочёвке – стилиг гонять, дутых героев труда создавать и всё в таком духе.

Дело в том, что за мирные годы выросло и вступило в жизнь целое поколение хорошо образованных людей, прагматиков, которые не верили в коммунизм, и для которых лозунги были темой для анекдотов. Вот помню такой. Возвращается муж из командировки и застаёт жену с любовником. Мужик здоровый, он начинает любовника жестоко избивать. Вот уже замахнулся ногой для завершающего удара, а жена, чтобы предотвратить убийство, кричит: «Вася, ты же коммунист!» Вася, скрипя зубами, опускает ногу. Спасённый любовник, выползая, говорит: «Слава КПСС». Эти слова огромными буквами горели неонами на высотных зданиях практически в каждом городе.

И вот эти люди почти вынужденно, массой поперли в партию, а в результате партия практически сменила своё содержание, стала ритуальной организацией. Все давно уже поняли, что коммунизм – обычная утопия, но так как других идей не было, коммунисты были вынуждены талдычить заученные словесные формулы. Съезды, пленумы и собрания превратились в ритуалы, иначе их уже не воспринимали. Вступление в партию стало ритуалом, позволяющим сделать карьеру, потому что некоммунисту было почти невозможно занять солидную должность. Эти новые коммунисты вовсе и не думали строить светлое будущее, а мечтали занять хорошее место в настоящем. И это был конец партии. Хозяйственники давно приспособились к системе – мелких функционеров прикормили, крупных использовали в качестве своеобразного лобби, а рядовых коммунистов держали за идиотов и эксплуатировали по полной программе.

Вообще, я думаю, что если бы всё осталось по-прежнему, без демократической ломки, то лет через десять-пятнадцать партия рассосалась бы сама собой, а СССР стала бы обычной страной государственного капитализма без всяких революций.

Но в семидесятые годы коммунисты были ещё в силе. Я получил инженерное образование и как многие вступил в партию. У меня была склонность к производству, но получилось так, что я пошёл по профсоюзной линии. Инженером на заводе я проработал недолго. Как-то

заболел профорг, и меня поставили временно его замещать. Болезнь затянулась, и по инерции меня переизбрали, так как дело я освоил. Потом был доклад на конференции, меня заметили, продвинули, и к тридцати годам я оказался в Облпрофе на небольшой должности, практически на побегушках.

Непосредственным моим начальником был товарищ Ласкирёв, вальяжный такой мужчина, замглавы по строительству.

И довелось мне быть у истоков одного коммунистического движения, история которого прошла у меня на глазах. Закончилась она очень быстро и довольно странным образом. Закрыв это начинание один человек, простой рабочий, который написал всего четыре слова, оказавшиеся роковыми. Этого человека я больше не встречал, а хотелось бы. Любопытная и даже загадочная личность.

Вера Максимовна слушала эту нудятину и под мягкое покачивание машины пыталась не задремать, а Олег Михайлович сменил пластинку и стал рассказывать о конкретном случае под названием:

Новелла о неудавшемся почине

Вот как-то вызывает меня Ласкирёв и говорит:

– Есть задание тебе, Костин. Сейчас объясню, а ты, если что непонятно – спрашивай, хотя ничего сложного не предвидится. Дело такое – в системе стройтреста есть предприятие, где выступил с инициативой один бригадир, член партии. На орден, видно, прицелился. Эта инициатива состоит в следующем: бригадир от лица бригады обратился к руководству с просьбой снизить расценки за произведённую продукцию, а взамен обещал увеличить производительность труда, чтобы компенсировать потери в зарплате. Не знаю, как он уговорил бригаду, и чего им наобещал, но с этой идеей вышел на руководителя парторганизации треста Крылова. Тот идею подхватил и вышел на обком. Там это дело одобрили и поручили Крылову организовать почин, пока в рамках треста, а если пойдёт, то и расширить охват. Ну, так вот, завтра целая комиссия из руководства трестовского, разных экономистов и нарядчиков во главе с Крыловым отправляется в станцию Камчатскую для внедрения почина. Там находится трестовское большое деревообрабатывающее предприятие. И ты тоже отправишься с ними, как бы наблюдателем от профсоюза. Они заедут за тобой утром. В общем, проведут они там собрание, составят документ, подпишут, и ты подпишешь. А потом отчитаешься и всё. Дело плёвое. Вопросы есть?

– Есть. Я, наверное, что-то не так понял. Вы говорите, что суть почина в том, чтобы рабочие добровольно проголосовали за уменьшение собственной зарплаты? Это же бред! Или я чего-то прослушал.

– Конечно, не понимаешь. Это не бред, а элементы коммунистического отношения к труду. Вот, смотри – отработать даром день в году «за того парня» тоже на первый взгляд бред, а если посмотришь в идеологическом ракурсе, то видишь иное.

– Так «на того парня» вроде как обязаловка, а здесь дело добровольное. Неужели работы такие идиоты, что сами себе захотят урезать зарплату? Да ни в жизнь!

– Ну, пойми ты, Костин, дело совсем не в том, умные или глупые рабочие, а в самом факте собрания. Главное, чтобы оно состоялось, а оно состоится. По приказу директора. И что там рабочие хотят или не хотят, совершенно неважно. Подписывать-то документ будет бригадир, а он подпишет.

– А почему вы в этом уверены?

– Опыт. Всегда так бывает. Против такого количества начальства работяге не устоять. Сробеет и подпишет что угодно.

– А если всё-таки упрётся?

– Чепуха, посылят чего-нибудь или компромат поднимут, а в крайнем случае заменят на другого. Да не переживай ты за это, Костин. Там люди опытные, в момент всё провернут, не впервой. А ты понаблюдаешь, подпишешь и всё. Завтра жду с докладом.

Ну вот, на другой день приехали мы в Камчатскую на это предприятие. Кабинет директора маловат, собрались в просторной приёмной. Начальник цеха пошёл звать бригадира для предварительного ознакомления с вопросом, а директор уединился с Крыловым в кабинете. Зашёл какой-то странный тип, сутуловатый и с папкой подмышкой. Что-то начал расспрашивать, но директор, выйдя из кабинета, довольно грубо его выгнал, а нам сказал:

– Вы, товарищи, пока знакомьтесь с бригадиром, а я пойду готовить собрание, но учтите, он – не подарок.

Солидная дама спросила:

– Алкаш что ли?

– Да если бы.

Директор вздохнул и вышел. Позже мне стало ясно, что он просто смылся. Другая дама, помоложе, заметила:

– Я просматривала сводки по этой бригаде. План выполняется, и это единственная бригада в тресте, на продукцию которой нет рекламаций по качеству. Вообще нет. Необычно как-то. Они даже надбавку за это получают.

Тут вошли начальник цеха и бригадир, который, к моему удивлению, оказался молодым, не старше меня, статным человеком со смыслёнными глазами. Начальник цеха сказал:

– Знакомьтесь, бригадир Коновалов.

При этих словах у Веры Максимовны дремоту как ветром сдуло, и она начала слушать Костина с напряжённым вниманием.

И, обращаясь к Коновалову, продолжил:

– А это делегация из треста и другие важные представители. Суть дела они тебе сейчас объяснят.

С этими словами начальник цеха присел рядом со мной на свободный стул в углу. Вид у него был угрюмый. Тут зам. управляющего треста начал, было, что-то Коновалову говорить, но тот решительно его перебил и сказал:

– Товарищи! Насколько я понял, некоторое время нам придётся сотрудничать, а поэтому давайте знакомиться по-настоящему.

– Вам же сказали, товарищ Коновалов, что мы делегация из треста.

– Делегация состоит из людей. Мне как-то неудобно называть вас мужиком в синем пиджаке. Или обращаться к этой женищине со словами «дама в крашеном парике».

Одна из четырёх присутствующих женищин густо покраснела. Коновалов совершенно не был похож на ласкирёвского пролетария, робеющего перед начальством.

Начальник цеха негромко сказал:

– Ну, началось. Говорил же директору, чтобы отвертелся от этого дела, так уверяет, что не смог, надавили.

Он хмуро посмотрел на меня и продолжил:

– Зря вы сюда приехали.

– Это почему?

– Потому. Не любит Коновалов всякие комиссии и делегации.

– Разве его любовь или нелюбовь имеют значение?

– Имеют. Полгода назад приезжала к нам комиссия по соцсоревнованию, так он им такое устроил, что теперь лет сто сюда носа не покажут. Как бы и вам не перепало.

У меня вдруг возникло чувство, что комбинатовское начальство побаивается этого Коновалова. Ну, а то, что было дальше, напоминало цирк, причём в роли клоунов оказались практически все члены делегации. Громким голосом бригадир обратился ко всем:

– Уважаемые товарищи! Вас много, а я один. Меня одного вы запомните легко, а мне запомнить вас трудно. И чтобы не перепутать, я запишу ваши представления. Это быстро.

С этими словами он достал большой блокнот и две авторучки – одна обычная, другая красная. Подошёл к крайнему мужчине и попросил представиться. Тот пожал плечами и назвал свою фамилию. Коновалов аккуратно записал синей ручкой и продолжил:

– Должность?

– Технолог.

– И последнее – кто вас назначил в делегацию? Желательно назвать фамилию.

Технолог от такого вопроса занервничал:

– Не понял, зачем тебе фамилия? Разве не ясно, что всё организовано парткомом?

– Партком не фамилия. Должен же я знать, с кем имею дело, кто именно вас назначил.

– Да с какой стати?

– Ясно. Так и запишем красным – по собственной инициативе. Распишитесь вот здесь.

– Да ты чё, бригадир? Какая роспись? Ещё чего?

– Хорошо, так и запишем красным – от росписи отказался.

Глядя на технолога, пояснил:

– Красный цвет означает сомнение в представленной информации, что даёт повод к её проверке.

Пока технолог хлопал глазами, Коновалов подошёл к следующему члену делегации. Это была дебелистая дама, ранее предполагавшая пристрастие бригадира к алкоголю. Звали её Алла Фёдоровна, и она оказалась бухгалтером управления. На вопрос о том, кто её делегировал, дама промолчала, презрительно скривив губы. Это не смутило Коновалова:

– Прекрасно, так и запишем красным – по собственной инициативе.

– Что вы городите, молодой человек? Как можно по собственной инициативе?

– Ну, я не знаю как. Могу только предположить. Узнав, что собирается делегация на наш комбинат, вы взяли отпуск за свой счёт и втёрлись в коллектив делегации. Вам лучше знать каким способом. Но вот вопрос – зачем? Есть у меня подозрение на этот счёт, и неплохо бы его проверить.

Он повернулся к начальнику цеха:

– Кстати, Пётр Адамович, там я видел, что склад с рубероидом не закрыт, а на территории посторонние люди. Как бы чего не случилось.

И, пристально глядя на женщину бухгалтера, продолжил:

– Хорошо, что они пока на глазах, а потом?

Пётр Адамович ответить не успел. Алла Фёдоровна заревела басом:

– Да ты что? Охренел совсем? Намекаешь, что я приехала сюда воровать рубероид?

– Рубероидом брезгуете? А чем же вы тогда интересуетесь? Может, петлями никелированными, замочками красивыми? Вон, какая у вас сумка большая! Были тут до вас такие, только номер у них не прошёл. Мы на страже. И у вас не пройдёт, будьте спокойны.

– Да ты ненормальный!

– Напротив. Ненормальный тот, кто думает, что оставленный без присмотра рубероид никто не украдёт. Уведут в момент. Проверено опытом.

Нелепость и абсурдность обвинения ввергла Аллу Фёдоровну в шок, и некоторое время она только по-рыбьи зевала. Тут я заметил, что сидящая в углу за столом секретарша, трясая плечами, зажимала себе обеими ладонями лицо, едва не залезая при этом под стол. Остальные в недоумении переглядывались. Наконец, рыдающим голосом Алла Фёдоровна обратилась к начальнику цеха:

– Пётр Адамович, да объясните вы этому идиотскому Пинкертону, кто я такая!

– Коновалов! Это Алла Фёдоровна Волкова, бухгалтер управления треста.

– Вы уверены?

– Да, я её знаю как облупленную.

– А когда последний раз вы её видели?

– Недавно, месяца полтора назад.

– Ну, вы даёте, Пётр Адамович! Да за это время её бросил муж, она сошлась с каким-то забулдыгой, поменяла фамилию и её выгнали с работы за пьянку.

Присутствующие с интересом уставились на бухгалтершу, а у одной женщины от таких новостей открылся рот. С обезумевшими глазами Алла Фёдоровна подбежала к начальнику цеха и, схватив его за рукав, прохрипела:

– Да скажите же наконец что-нибудь этому ублюдку, чтобы он не нёс чепухи!

Тот неожиданно зло оттолкнул её руки и сказал:

– Щ-щасс! Вы думаете, что мне хочется стать вашим соучастником?

– Соучастником чего?

– А того, во что вы вляпались. Выбирайтесь сами.

Совсем одуревшая женщина со стоном опустила на стул. Коновалов же, как ни в чём не бывало, спокойным голосом её спрашивает:

– А паспорт, гражданочка, у вас при себе?

Алла Фёдоровна собралась что-то ответить, но он, выставив ладонь, её опередил:

– Понимаю, вы правы. По закону у меня нет на это полномочий, но ничего страшного, предъявите паспорт тому, у кого эти полномочия имеются.

Раздался голос Петра Адамовича:

– Коновалов, опять наряд будешь вызывать?

– Не знаю, не решил ещё, может быть, участковым обойдусь.

Пётр Адамович обратился ко всем:

– Товарищи, довозжу до сведения – тем, кто отмечен у Коновалова красным, придётся давать объяснения сотрудникам милиции и скорее всего в самом отделении. Но ничего страшного, скорее всего сразу же и отпустят. Я уверен, что среди вас нет натовских диверсантов. В отличие от Коновалова.

Соседка бухгалтерши спросила:

– У вас, что, и милиция сумасшедшая?

– Нет, милиция у нас как раз нормальная. Просто у них есть тяжёлый опыт общения с товарищем Коноваловым, поэтому они предпочтут пообщаться с вами.

И тут раздался полный ярости голос Крылова, который, выйдя из кабинета, некоторое время пребывал в недоумении:

– Что здесь происходит, чёрт побери? Что всё это значит? Что это за балаган?

Коновалов среагировал мгновенно и сразу подключился:

– Совершенно верно, товарищ! Самый настоящий балаган. Понаехала куча народа непонятно зачем, утверждают, что по собственной инициативе, хитрят, скрывают что-то. А вы, простите, кто? Судя по всему, вы важное должностное лицо. Командирскую повадку не скроешь, видно сразу.

От такого натиска Крылов как-то стих и назвал себя и свою должность. Коновалов записал в блокноте и сказал:

– Вам я не буду задавать вопрос о полномочиях, потому что вы действительно сами можете проявлять инициативу. Осталось немного, один звонок, и к делу. Кстати, вы не могли бы показать свой партийный билет?

– Да ты кто такой, бригадир? Очнись! Буду я всякому показывать!

– Ага, значит, не можете. Так и запишем – партбилет показать не может, поскольку его потерял.

От такой наглости Крылов даже растерялся:

– Ты чего там пишеешь? Охренел совсем! Как это, потерял?

– Вам лучше знать, товарищ Крылов, как всё произошло, и каким образом вы его утратили. Может, жинка в брюках постирала, а может, где по пьянке посеяли. Это уже не имеет значения.

Надо сказать, что всё происходило в быстром, ненормально ускоренном темпе, вероятно специально заданным Коноваловым. Это даже гипнотизировало. Не успевали отреагировать на одно, а Коновалов подбрасывал уже другое абсурдное утверждение, не давая передышки на осмысление и отпор. Пока Крылов подбирал подходящие к случаю матюги, Коновалов уже говорил секретарше:

– Катя, найди номер товарища Фелюгина, третьего секретаря обкома, сейчас сделаем ему звонок. А вы, товарищ Крылов, не волнуйтесь. Если товарищ Фелюгин в курсе ваших дел, то всё будет в порядке, и мы продолжим сотрудничество.

Крылов взвился:

– Да вы что? Причём здесь Фелюгин?

Коновалов напрягся, и взгляд его стал хищным:

– Так значит товарищу Фелюгину ничего не известно о том, что вы здесь затеваете? Вы это имеете в виду, товарищ Крылов?

– Конечно, не знает. Он же совсем по другому ведомству.

– А вот тут, товарищ Крылов, вы ошибаетесь. Дело оказывается гораздо серьёзнее, чем я думал. И позвонить товарищу Фелюгину теперь я просто обязан. Катя, найди номер?

– Сейчас.

Крылов заволновался:

– Да в чём дело? Почему Фелюгин?

– Товарищ Фелюгин имеет немалый авторитет среди рабочих нашего цеха, он для нас образец человека и коммуниста. Более того, он является кандидатом в почётные члены нашей бригады, и было бы неправильно оставлять его в неведении относительно творящихся здесь дел. И хорошо, если вы прибыли сюда с добром. Но вам не сойдёт с рук, если вы приехали агитировать против советской власти или за свободный выезд за границу. А вдруг вы, страшно даже подумать, явились к нам с целью опорочить имя самого товарища Фелюгина?

Нет и нет! Я сейчас же сообщу товарищу Фелюгину, что некто, называющий себя Крыловым, человек, потерявший партбилет, проник на территорию с неясными целями, возможно, подрывными. А может быть, ты, чмо брюхатое, диссидент, специалист по идеологическим диверсиям? Тогда надо сразу в «контору». С такими гадами у меня разговор короткий. Нет, всё-таки сперва Фелюгину, а потом по обстановке.

В этот поток попытался вклиниться зам. управляющего:

– Послушайте, Коновалов, не сходите с ума, мы же пытаемся вам объяснить...

Но Коновалов резко его перебил:

– Ага! Сообщник! Сядьте на место и не делайте резких движений, иначе я буду вынужден вас связать. Учтите – у меня есть армейский опыт задержания шпионов. Упакую в момент.

Ну и хитрецы! Даже баб набрали для прикрытия в расчёте на нашу простоту. Не пройдёт! Катя, скоро?

Все оторопело молчали. Я думал о Ласкирёве. Если бы его сюда, то что бы он сказал о тёртых партработниках, легко обрабатываемых бригадиров? Послышался голос Петра Адамовича, который злобно глядел на Крылова и бормотал:

– Идиот! Будет тебе сейчас почин. Предупреждали же русским языком – нечего здесь делать. А теперь готовься.

Я спросил:

– К чему?

– Разве не видите? Коновалов их специально провоцирует на какую-нибудь грубость или глупость. Как коршун ждёт повода, и тогда...

– Что?

– Да свяжет ремнём, кляп в рот и сдаст в КГБ. Для него не проблема, не впервой уже. Лось здоровый, при нужде всех тут уложит. Пока оправдаешься – карьера к чёрту, а ему хоть бы хны, он же не коммунист.

Женщина рядом сказала:

– Боже, как во сне. В жизни бы не подумала, что такое бывает. А почему вы не вмешаетесь, Пётр Адамович?

– Неохота рядом с Крыловым связанным лежать, а потом оправдываться неизвестно за что. Я Коновалова получше вас знаю, рисковать не хочу.

Но Крылов сломался. Глянув в горящие азартом глаза Коновалова, он понял, что этот дуболом и в самом деле сейчас позвонит ничего не подозревавшему Фелюгину и вывалит тому всю эту ахинею. Дальнейшее представлять было сложно, к тому же времени на анализ уже не было – секретарша набирала номер телефона.

– Товарищ, э-э, Коновалов, если вы хотите звонить в обком, то звоните товарищу Киреву, он в курсе нашего мероприятия. И это, партбилет я не терял, если желаете, то можете взглянуть.

Коновалов положил трубку, подошёл и, глядя на раскрытую книжечку в руках Крылова, внимательно сличил фотографию с оригиналом, а затем сказал:

– А что? Я вам верю. Вон какие на фотографии у вас честные глаза. Преданность партии из них так и прёт. Всё. Снимаю с вас подозрения, товарищ Крылов.

И, обращаясь ко всем:

– Надеюсь, вы, товарищи, не обижаетесь на мою бдительность. Сами понимаете – живём в империалистическом окружении, да и внутренний враг не дремлет. Лучшие уж перебьют, как говорил кто-то из великих, кажется, Дзержинский. Впрочем, неважно кто, важна актуальность. Итак, продолжим знакомство. Я думаю, красная ручка уже не понадобится.

И процесс пошёл быстро. Женщина рядом оказалась экономистом Еленой Павловной. Я, не колеблясь, назвал Ласкирёва и его должность.

Коновалов задумчиво произнёс:

– Знакомая фамилия. Однако спасибо товарищу Ласкирёву. Радетель. Послал представителя. Надеюсь, в случае ущемления прав рабочих вы обязательно доложите по линии. А где товарищ Мылов?

– Он заболел.

Заминка вышла с Аллой Фёдоровной, она зло смотрела на Коновалова, но общаться явно не желала. Тот и бровью не повёл:

– Немножко задержимся. Я сейчас звякну участковому и думаю, что пока будет идти собрание, он за это время допросит подозрительную гражданку и разберётся. Надеюсь, вы не сбежите? Нет, я вам случая не предоставлю, запрю в кладовой с любимыми вашими метками.

Раздосадованный заместитель подошёл к стропливой бухгалтерше и что-то тихо, но резко ей сказал. Та по лошадиному мотнула головой, в ярости полезла в сумку, вырвала листок из тетради, написала данные и протянула листок Коновалову:

– Тебя это устроит?

– Вполне, Алла Фёдоровна. Благодарю.

Коновалов приветливо ей улыбнулся, а затем обратился к остальным:

– А теперь к делу.

И начал слушать речь зам. управляющего.

Секретарша с красным лицом и остановившимся взглядом, захватив какие-то папки, вышла и хлопнула дверью в соседнее помещение, очевидно бухгалтерию. Вскоре оттуда донеслись звуки многоголосого здорового хохота.

Пётр Адамович вышел в коридор перекурить, и я вышел вслед за ним с той же целью. К нам присоединилась Елена Павловна и ещё пара членов делегации.

Я сказал:

– Думаю, что наше пребывание здесь крепко повеселит здешний народ.

Елена Павловна пробормотала: «В других местах над нами тоже посмеются» и обратилась к Петру Адамовичу:

– Этот ваш Коновалов часто так ваньку валяет?

Тот грустно посмотрел на неё и сказал:

– Вы ничего не поняли, Елена Павловна. Он не умеет валять ваньку, он такой и есть. С детства. Родился с урезанным чувством юмора, а может, и вовсе без него. А так он ничего, хороший человек, умный, только слишком педантичный. С непривычки он сейчас вам кажется шутком гороховым, но он вполне серьёзен, а так себя ведёт только с начальством. Причём занимает непробиваемую позицию защитника советской власти. Грамотный, зараза; начитается передовиц и сыпет цитатами, иногда десятилетней давности. А как спорить с лозунгом? Вот и получается, что любое возражение Коновалову становится высказыванием против советской власти. У вас ещё будет возможность это увидеть. Урод продуманный! А в быту и на работе обычный человек.

– Он, что, и с вами так?

– С нами тоже. Чем мы лучше других? Я его как-то в выходной встретил, разговорились.

Нормально так, без его выкрутасов:

– Родион, я ж тебя давно знаю. Раньше ты не выпендривался.

– Я и сейчас этого не умею.

– Да? Вот сейчас мы по-человечески беседуем, а почему с начальством ты демагогию разводишь?

– В данный момент ты мне не начальник, значит с тобой можно на простом русском. А то, что ты называешь демагогией, на самом деле есть стиль общения. Я ему ещё в школе научился.

– У кого?

– У пожарного инспектора Худякова.

– Помню такого. Мог бы и понормальней учителя найти. И в чём смысл этого стиля?

– А в чём смысл того, что с украинцем ты будешь говорить по-украински? Вот и я с начальством говорю на его языке – казённом.

– Ну, ты сравнил, начальство же не национальность.

– Самая настоящая национальность и есть. Со своим языком и культурой.

– Ты, Родион, загибай, да меру знай.

– Это ты, Петя, плохо документы знаешь. Перечитай Программу партии, там чёрным по белому написано, что формируется новая общность – советский человек. Новая национальность. Если быть последовательным, то правильнее говорить интернациональность. Да она уже, считай, сформировалась из партийных начальников. Традиция. В девятнадцатом веке была франкоговорящая нация из российской аристократии. Народ в народе. Во время войны с Наполеоном крестьяне поубивали многих дворян, принимая их за французов, так как те не умели говорить по-русски. Я русский человек и вряд ли стану другим, но от жизни не спрячешься – временами приходится с волками выть по-волчьи.

– погоди, Родион. А как же ты раньше? В армии, например?

– В отличие от вас армия ценила мой стиль. Не скажу, что меня там горячо любили, скорее уж наоборот, но когда я увольнялся, то чуть ли не со слезами просили остаться на сверхсрочную.

Вот так, товарищи. С точки зрения Коновалова мы все являемся представителями некоей партийно-канцелярской национальности, которую он не любит, а потому не упустит случая раскатать всех по брёвнышку. А он это умеет.

Тщедушного вида пожилой очкарик спросил:

– Так он ещё себя проявит?

– Обязательно, дело-то ещё не закончилось.

– Вот как. А нам говорили, что это формальная процедура.

– В других местах так оно и есть, но не у нас. Мы же пытались объяснить Крылову, что формализм у Коновалова не пройдёт, потому что он сам редкий формалист. Но он не понял. Теперь пусть не обижается. Если уж Коновалов укатал самого Фелюгина, то Крылов для него мелкая сошка.

– Фелюгин знаком с Коноваловым?

– Знаком. Он и сейчас, наверное, вздрагивает, когда слышит эту фамилию.

Фелюгин был мне знаком, а потому стало очень интересно, каким таким образом укатали этого умудрённого функционера, и я спросил:

– А что это была за история?

Ответить он не успел, потому что раздался громкий голос Коновалова:

– Товарищи! Общую суть вашего проекта я уловил, но определённо ответить сейчас не готов. Маловато данных для анализа. Сделаем так – на собрании выступят специалисты с примерами и цифрами, а я выступлю в конце и подведу итог. Там и услышите моё решение.

Надо было видеть постные лица присутствующих, но командовать они уже не могли. Тут появился хитрый директор и сообщил, что люди собрались.

Елену Павловну, очевидно, сильно заинтересовала личность Коновалова, и весь путь до цеха, а также рутинную часть выступлений она расспрашивала о нём Петра Адамовича. Мне тоже было интересно. Примыкал к нашей маленькой компании и тщедушный мужчина в очках. Пётр Адамович не был скрытным человеком, а, возможно, это был эффект общения со свежими людьми, но он поведал кое-что любопытное:

– Честно говоря, я думал, что Коновалов сдаст Крылова в КГБ, всё шло к тому, но он видно что-то другое вам приготовил.

– Вы это серьёзно? Насчёт КГБ?

– Вполне. И заметьте – если позвоните вы или я, то отреагируют вяло и скорее всего на звонившего. А если позвонит он, то через полчаса к вам приедут и вежливо заберут с собой. Или грубо.

– Так он этот? Сотрудник?

– Боже упаси! Они ведь не сумасшедшие таких сотрудников держать. Он же им всех партаргов пересаждает. Тут видно та же история, что и с милицией – когда-то нарвались на него, получили, а теперь не хотят конфликтовать. Человек он скрытный, но как-то проговорился, что были у него дела с конторой, однако отношения не сложились. Хотел бы я посмотреть на органы, у которых сложатся хорошие отношения с Коноваловым.

– Вот вы говорите о непростых отношениях Коновалова с милицией, он, что, туда часто попадает?

– Тут ситуация, скорее, обратная. Сама милиция по мере возможности старается избегать с ним контактов. Это, можно сказать, у него с детства. Коновалов вообще человек загадочный. Многому, что о нём говорят, я не верю. Но с другой стороны, я и сам был свидетелем некоторых вещей, в которые трудно верить.

– Как интересно! Похоже, вы знали его и раньше, расскажите.

– Ну, он помоложе возрастом, я уже старшеклассником был, а он ещё малым пацаном. Обычный подросток с виду, спокойный и бесхитростный, но вот что-то такое в нём присутствовало. Ему лет десять было, когда его случайно, а, может, и за дело в отделение замели. Но, видимо, крепко обожглись. Что он им там сделал, неизвестно никому по сей день. Что-то было, это точно. Я пытался у него выведать, но Коновалов тайны хранить умеет. И менты не рассказывают, хотя много лет прошло. Многие думают, что это легенда, но это не так. В тот же день они его и выпустили, но с той поры ближе ста метров к зданию милиции не подпускают. Да это что? Начальник милиции, здоровенный дядька, банально боялся этого шибздика. И это не шутка.

Если ему нужно было побывать в школе по какому-нибудь поводу – утренник или ещё что, то он предварительно звонил директору либо завучу и справлялся насчёт Коновалова – на занятиях ли он. Если да, то Коновалова выводили из здания подальше, даже во время урока, и только тогда начальник заходил в помещение. Лично мне доводилось конвоировать Коновалова во время таких удалений, и был приказ не подпускать его к школе до тех пор, пока не уйдёт начальник. Мало того, обычные милиционеры – участковый или ещё кто, при нужде зайти в школу тоже первым делом справлялись о Коновалове, и если он присутствовал, то заметно нервничали. И при этом, надо сказать, все остальные ни капли Коновалова не боялись, так как он был совершенно неагрессивен. Однажды случилось серьёзное происшествие – пожар, и среди прочих Коновалов оказался там замешанным. Но его немедленно вычеркнули из списка свидетелей. Я своими ушами слышал ответ дознавателя на удивлённый вопрос завуча:

– Товарищ майор сказал, что пока он начальник милиции, это исчадие ада ни под каким предлогом не переступит милицейского порога.

Много бы я дал, чтобы узнать, как там было дело. Какой год любопытство мучает. Вот как не заладилось у него с милицией с самого начала, так с тех пор и идёт. До сих пор они его ненавидят, да и вряд ли уже когда полюбят.

– Вы знаете, Пётр Адамович, после того как я увидела его сегодня в деле, то в чём-то солидарна с тем начальником милиции. Если уж вы его знали, то зачем на работу приняли?

Так ведь поначалу он таким не был. Приняли его рядовым столяром пятого разряда. Образцовым рабочим оказался – не пил, не прогуливал, дисциплинированный и никогда не выступал. Отличался только умением в работе, но этим не кичился. Всякий спецзаказ, двери фигурные или рамы особенные – к нему. Так бы всё и шло, но бригадир Филимонов вышел на пенсию. Встал вопрос о новом бригадире. Директор настоял на Коновалове, мол, универсал и разметку знает, и все станки умеет настраивать. Коновалов, между прочим, отказывался, объяснял, что ему противопоказано руководить людьми, что об этом ему ещё в школе говорил секретарь комсомола. Директор в недоумении спрашивает:

– А что именно противопоказано?

– Характер. Я действую либо по правилам, либо никак. Людям это не нравится, и отношения с ними не складываются, но иначе я не могу.

– Извини, Коновалов. У нас производство, а ты развёл психологию – характер, нравится. Тебе, что? Целоваться с ними? Сам подумай, кого ставить, если кроме тебя никто толком не может разметку делать?

– Ну, раз вы так настаиваете, то пойду вам навстречу, но есть условие. Я не уверен, что всё пойдет гладко, поэтому назначьте меня на три месяца, временно, а потом, что скажет бригада. За этот срок вы сможете подобрать кого-нибудь, а разметке я его научу.

Директор согласился, не подозревая, что разбудил лихо.

Поначалу у него не клеилось. Народ ведь у нас какой? Пока не укроешь хорошенько и пенделя не дашь, за человека считать не будут. Подчиняются авторитету, а не уму. А откуда у Коновалова авторитет возьмётся, если он со всеми на вы, через слово «пожалуйста» и ни на кого не кричит. Мол, здесь не зона и надо жить цивилизованными правилами. Вот и стали дер-

жать его за придурка. А он цивилизованно стал воспитывать их рублём. За всякие нарушения лишил премий. И невиданное дело – откопал положение, согласно которому за брак делали начёт. И жестоко применял. Получили мужики получку – прослезились. И решили набить Коновалову морду. Тут по пути есть продмаг на отшибе, а рядом с ним рощица – идеальное место для распития. В народе зовётся кафе «Рваные паруса». Мужики там скучковались и хорошо приняли, а тут и Коновалов мимо идёт. Зазвали. Он не дурак, понял, что бить будут, но не стал убежать. Они его ругают, наливаются злобой и подступают, а он молчит и ждёт действий, напрягся только. Тут раздался пьяный рёв, и с другого конца рощи на Коновалова двинулся известный в станице хулиган по кличке Кабан. Этот жирный шикаф весом полтора центнера своему прозвищу соответствовал. Он был посторонним, но у него, видно, были давние счёты к Коновалову. В руке его была «розочка», горлышко бутылки, и, приближаясь, он приговаривал:

– Попался, козёл водолейный! Дружка сегодня с тобой нету? Кишки-то сейчас тебе и выпущу. Давно мечтал.

Все оцепенели – морду набить одно, а это уже чересчур. Коновалов рыскнул взглядом, слегка отступил, подхватил ногой поломанный водочный ящик и ловко запустил им в Кабана. Тот на секунду отвлёкся, а Коновалов шагнул к нему, перехватил руку с розочкой, правой рукой обхватил Кабана за шею, подвернулся под него, напрягся и сделал бросок через спину. Бросок до конца не удался, туша-то не маленькая, и Кабан упал головой на небольшой пенёк, а потом тяжело шлёпнулся на спину. Шею не свернул, но почти оторвал ухо, которое повисло на клочке кожи. Коновалов наступил ему ногой на руку с бутылочным горлышком, а другой ногой с размаху его выбил. Затем нагнулся, приподнял окровавленную голову Кабана за волосы и что-то сказал ему в уцелевшее ухо. Слов не расслышали, но с тех пор Кабан старательно избегает Коновалова. Ухо ему потом пришлили, но как-то криво, и теперь из-за этого уха его кличут Пельменем.

А Коновалов повернулся к мужикам и выдал, мол, сейчас не на рабочем месте – можно. Очень художественно крыл их матом минуты две без передышки, а потом плюнул сразу на всех и ушёл. Мне про это рассказал один наш рабочий, бывший зек. Говорил, что такого и на зоне не часто слышал. Впечатлил крепко. И где набрался?

Со следующего дня в бригаде всё пошло по-другому. Теперь на Коновалова никто не смел даже пикнуть. Его вежливые распоряжения выполнялись с лёту и беспрекословно, как приказы генерала, а обращение на «вы» стало обычным даже между рабочими. И в короткое время он сделал из бригады игрушечку – выжил всех алкашей, несунув, лодырей и неумех.

– В милицию всех сдал?

– Не угадали. Рабочих он не сдаёт, они ж не конторской национальности. Не то что в милицию, директору ни разу не стукнул. Сам управился. Тут вот история была. Есть у нас два мужичка – ребята умелые, но пьяницы. Коновалов поставил им вопрос ребром, или – или. Они в колени, мол, пить бросим, вылечимся, а бросим. А он им говорит:

– Врёте, наверное, да и в больничное лечение я не верю. Но если вы и в самом деле решили завязать, то я могу вам помочь. Только есть условие – лечить от пьянства буду сам. Знаю один хороший метод. Дней за семь-восемь управимся. Ну как?

Те и согласились. Что он с ними делал, одному богу известно, они не признаются, но с тех пор не пьют. Злые на Коновалова как собаки, видно, метод какой-то жутковатый. Попросились на пилораму, чтобы резе его видеть. Глядя на них, другие сами пить побросали.

– А несунув как он отучил?

– Уж лучше бы он этого не делал. Сам как-то раз выписал полкуба доски по цене дров за три рубля двадцать копеек и остальных научил. Теперь тащат материала в десять раз больше, чем раньше, но на законных основаниях. А на того, кто хочет просто слямзить бру-

сок-другой, смотрят как на убогого. Вот и не любят его, девушки не в счёт, а уйдёт, и все о нём будут жалеть, потому что зарабатывают больше всех.

– И начальство?

– Начальство спит и видит, как бы его задвинуть обратно. А увольнение Коновалова стало бы праздником для всей конторы. Я не буду говорить о вымотанных нервах бухгалтеров, нарядчицы и экономиста. Скажу только об инженере по ТБ. Вы знаете, что на всех производствах это тихая синекура. Но у нас это самая опасная должность. И всё из-за того, что Коновалов считает эту должность самой главной после директора. Он помешан на пожаробезопасности, все правила и положения изучил. Начал насаждать на инженера, требуя устранить недостатки. Тот из гордости начал игнорировать Коновалова, а зря. Видя такое отношение, Коновалов начал писать докладные в пожарнадзор, а там и рады. Посыпались выговора и штрафы. Всех лихорадит. Кое-как пожарные недостатки устранили, даже почётную грамоту от пожарнадзора цех получил, но инженер уволился, сказал, что до пенсии хочет дотянуть. Поступил другой, моложе и покрепче, но с ним ещё хлеще вышло. Конфликт случился по поводу хранения растворителей и кислот. Вообще-то Коновалов был прав, но того возмутило, что бригадир лезет не в своё дело. Поругались. Коновалов обозвал инженера вредителем, а тот обещал написать докладную за оскорбление. Коновалов сказал, что в ответ тоже напишет донос, а там, мол, чья возьмёт. Через два дня инженера забрали в КГБ, обвинив во вредительстве.

– Так сейчас такой статьи уже нет!

– Ну да. Вот поэтому его на Колыму и не отправили, промурыжили немного, да и выпустили. Но работы лишился. Он, наверное, единственный человек в стране, в личном деле которого записано, что ему запрещено работать инженером по ТБ на любом производстве. В любом качестве можно, а на этой должности нет. Пошли нехорошие слухи, и остались мы без инженера по технике безопасности. Хотите, верьте, хотите, нет, но желающих не стало, даже по совместительству.

– И что? До сих пор?

– Вот уж нет! Тут мы этого гада обыграли. Жена директора посоветовала взять на это место женицину, мол, против женицины Коновалов прыть поумерит. Она же и предложила кандидатку, дочь одного председателя колхоза по имени Лиля. Эта Лиля выучилась на архитектора, но нигде её не брали, потому что в работе она ни бэ, ни мэ, видно, диплом за поросят получила, а здесь ей самое место. Всё вышло лучше, чем думали. Вначале он не знал, кто она такая и, это... соблазнил её. А когда узнал, то было поздно. Лиля влюбилась и решила выйти за него замуж. Назойливо его преследует, а он старательно её избегает и о том, чтобы зайти в кабинет инженера по ТБ, даже и речи нет. Прочих кабинетов он тоже опасается. Девушка страдает, но зато всем передышка.

– Разве он не женат?

– Нет ещё. Видно, какую-то особенную стерву выбирает. По себе. Хотел бы я посмотреть на ту, которая его зануздает. У Лили не выйдет, у неё для этого слишком мягкий характер. Да вон она стоит среди конторских женицин. Ждут выступления этого демагога. Хазанов позавидует.

Пётр Адамович указал на пухленькую брюнетку.

Недалеко от выхода собралась группа конторских женицин во главе со смешиливой Катей. Директор хотел, было, прогнать их с этого места, но они огрызнулись, и он махнул рукой. Было ясно, что они ждали выступления Коновалова и ни на какие коврижки не променяли бы это зрелище. Собрание шло вяло. Докладчики мямлили и пугливо оглядывались на Коновалова, смиренно стоящего в сторонке. Наконец пришла его очередь. Коновалов встал на небольшое возвышение впереди членов делегации и хорошо поставленным голосом произнёс:

– Дорогие товарищи! Разрешите высказать своё мнение по поводу здесь предложенного. Возможно, оно не совпадёт с мнением большинства, но зато от сердца. Главное, что я увидел в представленном проекте, это мощный идеологический посыл. С душевным трепетом я увидел, насколько высока нравственная планка нашего трестовского руководства. И не побоюсь этого слова – чистота, чистота помыслов. Осознание этого даёт мне право сказать всем, кто хочет укрыть матом инициативу руководства – прикусите язык!

Товарищи! Вы все видели большой плакат на входе – «Вперёд к победе коммунизма». Верьте, товарищи, в нём заложен глубокий смысл. И этот смысл наше трестовское начальство восприняло как руководство к действию. Если в стране коммунизм наступит в восьмидесятом году, то у нас в тресте он начнётся гораздо раньше. Я рад, что работаю там, где началось это выдающееся движение.

Товарищи! Идеи не рождаются просто так и где попало. Я уверен, что все члены прибывшей к нам делегации давно для себя всё решили и только ждут удобного момента, чтобы прийти в партком и подать заявление с просьбой урезать им оклад наполовину. Вот, посмотрите на главного бухгалтера Аллу Фёдоровну Волкову! Прекрасная женщина, в груди которой бьётся пламенное сердце коммуниста. Она прямо извелась в мечте об этом. Сегодня в доверительной беседе призналась мне, что сама проявила инициативу, для того чтобы стать членом делегации. Ей, безусловно, хочется быть ближе к центру волнующих событий.

Как бы в подтверждение слов о том, что она извелась, Алла Фёдоровна побледнела и начала оседать. Ей подставили крепкий ящик и дали воды. Оратор продолжал:

– Обратите внимание, товарищи! Члены делегации крайне деликатные люди. В деле урезания себе зарплаты они не рвут пальму первенства, чтоб не было упреков в применении административного ресурса. Честь быть первыми они любезно предоставили нам. Сердечное спасибо за это. Я лично голосую за коммунизм. Поднимаю за него руки и вообще всё, что способно у меня подниматься, но.

Со стороны конторских женщин послышался рыдающий звук, и согнувшуюся от хохота контролёришу увели за большой станок. На делегацию было жалко смотреть. Судя по всему, они божились про себя, что отныне ни под каким видом, ни в какие делегации. А Коновалов с серьёзным видом шпарил как по писаному:

– Наши трест практически находится в осаде. Он окружён несознательными безыдейными организациями и людьми. В магазинах за товар нагло требуют деньги, не дают на халаву пользоваться транспортом и, как это ни прискорбно, даже в баню не пускают бесплатно. Из-за этого воплощение планов нашего руководства окажется делом непростым и материально трудным. Коммунистическое самосознание ещё не у всех на должном уровне.

Обратимся к экономическому аспекту. Здесь есть нюансы, упущенные из виду разработчиками. Главное, это сам характер производства. Всё было бы прекрасно, будь мы землекопы. В ответ на снижение расценок, мы просто стали бы чаще махать лопатой и бегать бегом. Но мы работаем на станках, и это решающий фактор. Можно, конечно, пнуть станок ногой, можно даже огреть его арматуриной, но тупая железзяка как давала два и шесть десятых метра в минуту, так и будет давать. Не отреагирует она и на расценки – ни на снижение, ни на повышение. То есть расценки в нашем случае вообще никак, ни прямо, ни косвенно не связаны с производительностью труда. На неё влияют совсем иные факторы. Например, если вместо одного станка поставить два или же заменить его на более производительный. Именно поэтому я считаю предложенную идею экономическим идиотизмом.

Но, товарищи! Что для нас приземлённая и бездуховная экономика? Коммунисты всегда побеждали там, где, казалось бы, это и невозможно. Сила духа и стремление к идеалам выше, чем экономические предпосылки и здравый расчёт. Я согласен с инициативой руководства треста организовать почин, но с условием. Я выдвигаю дополнительное предложение – срежем расценки не на предлагаемые пять процентов, а на все пятьдесят. Чего тут мело-

читаться? Нам придётся нелегко, но во имя светлого будущего стоит пострадать. Думаю – выдюжим. Не можем мы остаться в стороне, если наше уважаемое руководство срежет себе оклады наполовину. Или я ошибаюсь в вас, товарищи из делегации? Может быть, вы готовы только на сорок пять процентов? Хотелось бы услышать мнение товарища Крылова по этому вопросу. Люди собрались, всем интересно.

Крылов вышел вперёд, бешеным взглядом обвел собрание, раскрыл красную папку и прочистил горло перед речью. Но что он хотел сказать, так и осталось неизвестным. После того как он взглянул на содержимое папки, лицо его приняло озадаченное выражение. Быстро пролистав бумаги, он захлопнул папку, повернулся, подошёл к директору и что-то горячо начал ему говорить. Директор ответил ему, и Крылов пропустил через выход в коридор. Из толпы кто-то крикнул:

– Да он смывается! За оклад испугался.

Взволнованный директор объявил десятиминутный перерыв, отозвал Петра Адамовича, и они отправились вслед за Крыловым. Но тот исчез. Механизм этого таинственного исчезновения неясен мне до сих пор. Несмотря на предпринятые поиски, Крылова не обнаружили. Всё повисло в неопределённости, и собрание на перерыве закончилось. Директор сообщил, что у Крылова пропала папка с документами, и по всей вероятности он её ищет. Где и как, никому неизвестно. Оставалось ждать. Опять расселись в приёмной. Наступила тишина. Я вышел в коридор перекурить, а следом вышла Елена Павловна, которая как городская интеллигентка оказалась курящей. К нам подошел Петр Адамович и сообщил, что Крылов пока не объявился. Пользуясь моментом, я опять спросил о Фелюгине. Время было, и он рассказал об этом случае:

– В прошлом году по нашему округу в депутаты Верховного Совета РСФСР баллотировалась местная жительница – мастер пошивочного цеха швейной фабрики Татьяна Обухова. Вы знаете, как это бывает – всё заранее решено, а потому процедура скучная. Но всё должно идти по распорядку. Удобнее всего провести собрание в Доме культуры, но кто туда пойдёт добровольно? Вот они и стали ездить по предприятиям, там народ не надо специально собирать. Вначале на этой фабрике собрание провели, а потом к нам завернули. По местным меркам рабочий коллектив у нас немаленький. Всё чин чинком – стол, президиум и толпа рабочих. За столом кандидатка и другие важные лица, организаторы, а среди них Фелюгин как представитель обкома. Он тогда ещё в инструкторах ходил. И вся эта говорильня была затеяна ради отчёта – такой-то коллектив горячо поддержал выдвижение, и всё такое. Люди это понимали и досадовали, мол, швейники её выдвинули, вот пусть с ней и целуются, а мы причём? Дома дел полно.

Это настроение понимал и ведущий. После того как доверенное лицо пробубнило биографию кандидатки, ведущий спросил:

– Ну, что, товарищи? Будем обсуждать или сразу резолюцию? Может, вопросы есть? Тут наш энтузиаст поднял руку и крикнул:

– У меня есть!

Протолкался к столу сквозь недовольный ропот и говорит:

– Моя фамилия Коновалов, и у меня вопрос к товарищу Фелюгину. У вас большой партийный стаж?

Фелюгин от неожиданности вытаращил глаза, но быстро ответил:

– Порядочный. Пятнадцать лет, если вам это так важно.

– Очень важно! В таком случае, вы не подскажете то место в бесценном наследии великого Ленина, где анализируется роль железных дорог в общем промышленном развитии?

– При чём здесь это? Простите, товарищ, но ваш вопрос не к месту.

– Вот как? Труды Ленина ни при чём? А я считаю, что мысли великого вождя всегда к месту. Любые. У вас другое мнение, коммунист Фелюгин?

Коновалов прищурил глаза, нагнулся к Фелюгину и почти прошептал:

– А, может, вы ревизионист?

Фелюгин напрягся, тема была скользкой, и он решил не перечить:

– Я изучал труды Ленина. Интересующие вас материалы есть в двенадцатом томе полного собрания сочинений.

Коновалов восторженно взмахнул руками:

– Потрясающе!

Разговор становился нелепым. Ведущий – представитель райкома Иванков стушевался, и Фелюгин сам попытался вернуть собрание в процедурное русло:

– Товарищ э-э, Коновалов, если у вас есть что сказать по существу, то давайте конкретнее о том, ради чего мы тут собрались. У вас есть мнение о кандидате?

– Конечно! О ней и речь. Кандидатку я помню со школы. Училась она плохо. Во втором классе два года сидела. С общественной работой не справлялась. Ни ума, ни фантазии. Что об этом говорить, если даже в комсомол она умудрилась попасть только со второго захода. Вот товарищ Иванков может подтвердить.

Кандидатка побледнела, а Иванков, хорошо знавший Коновалова, что-то злобно пробормотал и начал перемещаться к выходу. Народ сильно оживился, и люди с большим интересом стали ждать продолжения. Теперь их, пожалуй, было и не разогнать.

Фелюгин начал стучать ладонью по столу, а затем громко сказал:

– Стоп, стоп, стоп. Стоп!

Коновалов сразу подключился:

– Совершенно с вами согласен – стоп! Вы очень точно выразились. Товарищи! Вы слышали, что сам товарищ Фелюгин сказал стоп. И правильно! Зачем нам дура в Верховном Совете? У которой, вдобавок, муж пропойца. Скажем ей стоп.

Кандидатка завизжала:

– Я с ним развелась!

– Не ври! Я вчера его видел, когда он выходил из вашего двора с двумя курочками подмышками. На самогон пошёл менять. На пару, небось, квасите.

Народ развеселился, а Таня Обухова разрыдалась, обозвала Коновалова козлом пожарным и быстро удалилась. Фелюгин понял, что под маской эсизнерадостного идиота опытный демагог, который нагло им манипулирует, но что-то предпринять просто не успевал. А Коновалов, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Товарищи! Вы видите перед собой товарища Фелюгина, человека с большой буквы и на редкость образованного коммуниста. Я впервые в жизни вижу человека, прочитавшего двенадцать томов сочинений великого Ленина. Вот таким людям нужно заседать в Верховном Совете! И я вношу предложение: просить согласия товарища Фелюгина на его выдвижение в кандидаты от нашего трудового коллектива взамен выбывшей Обуховой. Попросим, товарищи! Аплодисменты!

Раздались дружные аплодисменты. Фелюгин понял, что он крепко влип. Ситуация сложилась нелепая и опасная, ведь по всему выходило, что это он скомпрометировал кандидатку и решил занять её место. Кто поверит, что всё это провернул хитрый местный работяга? И главное – зачем? Нужно было срочно принимать меры к спасению. Фелюгин вскочил из-за стола, подошёл к Коновалову и зло, вполголоса заговорил:

– Ты с ума сошёл! Какое выдвижение?

– Всё соответствует принципам советской демократии. В речи товарища Суслова на февральском пленуме подчёркивается инициатива трудовых коллективов при выдвижении кандидатов в депутаты. Что здесь не так? Неужели вы не читаете Суслова? Какой ужас!

– Коновалов, ты лезешь в дела, в которых не разбираешься. У Сулова общие положения, а в конкретности это сложный процедурный механизм – территории, решения, назначения, согласования и всё прочее. У меня должность, наконец.

– Так бы сразу и сказали, что должность не позволяет. Тогда сделаем по-другому.

И Коновалов обратился к собравшимся:

– Товарищи! К сожалению, товарищ Фелюгин не может баллотироваться из-за своей должности. Поэтому я вношу другое предложение – принять товарища Фелюгина в нашу бригаду почётным членом. Но тут имеется небольшое препятствие. Насколько мне известно, в почётные члены трудовых коллективов и воинских частей всякие великие люди зачисляются после смерти, а товарищ Фелюгин ещё живой.

Из толпы донёсся голос:

– Так в чём дело? Долго грохнуть?

– Это шутка, товарищ Фелюгин.

– Надеюсь, товарищ Коновалов.

У Фелюгина закружилась голова, и ему стало казаться, что это сон, в котором голос Коновалова продолжал нести ахиною:

– Поэтому я предлагаю зачислить товарища Фелюгина кандидатом в почётные члены бригады. Всё в порядке товарищ Фелюгин, можете не переживать – место вам забронировано надёжно. Как только поступите в покойники, так сразу автоматически и в почётные члены. Все согласны? Тогда аплодисменты!

И под восторженный шум Коновалов смешался с толпой рабочих. Члены президиума гуськом тянулись к выходу. Последним шёл директор, который и закрыл собрание, молча махнув рукой.

Фелюгин был чернее тучи – провал грозил ему многим, однако же он как-то выкрутился и со временем даже пошёл на повышение, но сами понимаете – в станицу больше ни ногой.

Выслушав этот рассказ, Елена Павловна сокрушённо сказала:

– Ну и работника вы себе нажили! Тяжело ведь с таким, Пётр Адамович.

– Не то слово. Сейчас-то уже притерпелись, а если честно, то от него и польза немалая.

– От таких закидонов?

– От них тоже. После той воронежской делегации по соцсоревнованию мы живём спокойно. От дурной славы тоже есть прок. Всякие пропагандисты, лекторы и комиссии просто боятся сюда приезжать. Ваше появление нас сильно удивило. Отвыкли.

Подшедший к нам худой мужчина в очках сказал:

– Кажется, я слышал про этот скандал. Так это у вас?

– У нас. Где ж ещё?

– А что было-то?

– Если коротко, то этот режиссёр устроил так, что руководительница делегации попала в милицию по обвинению в краже. Откуда ей было знать, что всё это подстроено? Ей специально показали красивые замочки и петельки, а когда она восхитилась, то рабочий, которого потом не нашли, подарил ей несколько образцов и положил их в сумочку. Коновалов посулил вахтеру почётную грамоту за подвиг, и в нужный момент тот вызвал наряд, который и прихватил даму с полчиным. После этого выступил сам Коновалов. Показал милиционерам газету полугодовой давности со статьёй областного прокурора о несунах и предупредил, что если они её отпустят, то он направит на них прокуратуру. Добрые люди нашептали членам делегации о лютости нашей милиции, и те от греха подальше разбежались кто куда. Дама рыдала и даже слегка расцарапала лицо Коновалову, но это ей не помогло. Вместе с водителем автобуса, у которого странным образом исчез путевой лист, они провели в кутузке почти сутки. Приехал важный представитель, и недоразумение было улажено. Каза-

лось бы, чепуха, но в должности даму понизили, и желающих вступить с нами в соцсоревнование поубавилось.

– Не любит соревноваться?

– Не любит мягко сказано. Саму идею соцсоревнования он называет имитацией деятельности, а вручение переходящих знамён и почётных грамот считает насмешкой над рабочими и самим здравым смыслом. Честно говоря, я кое в чём с ним согласен.

– Он и с лекторами так же?

– Ну что вы, нет, конечно. Он в этих делах не повторяется. С пропагандистами он работает тонко, можно сказать на их же идеологическом поле. Лекторы, это особая тема. Люди они безвредные, и расходов на них никаких, но Коновалов за что-то их невзлюбил и стал для них форменной идеологической моровой язвой.

– Первый раз о таком слышу. Расскажите.

– Слухи были, что он и раньше такими делами занимался, но то слухи. А три случая я знаю доподлинно. Первый случай был года четыре назад. Как-то раз Коновалов пошёл в районный клуб на бесплатный концерт. А там, как у нас водится, чтоб жизнь малиной не казалась, перед концертом объявили лекцию на антирелигиозную тему. Он, наверное, был единственным в зале, кто отнёсся к лекции серьёзно. Выслушал и, не задерживаясь на концерт, отправился искать лектора, якобы для прояснения некоторых вопросов. Лектору это очень польстило, и он согласился на беседу. О чём они говорили, а говорили они долго, неизвестно. И что Коновалов наплёл этому лектору, тоже неизвестно. Только после беседы лектор уволился с работы, вышел из партии и подался в священники. А ведь сам-то Коновалов неверующий.

Другую историю мне рассказал мой приятель Попцов, начальник ремстройучастка. Эту историю некоторые люди воспринимают как анекдот. Впрочем, как и первую историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.